

НОВАЯ НАУКА

Международный центр
научного партнерства

NEW SCIENCE

International Center
for Scientific Partnership

**НОВАЯ НАУКА В НОВОМ МИРЕ:
ФИЛОСОФСКОЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ,
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ
ОСМЫСЛЕНИЕ**

Сборник статей XI Международной
научно-практической конференции,
состоявшейся 24 января 2022 г.
в г. Петрозаводске

г. Петрозаводск
Российская Федерация
МЦНП «Новая наука»
2022

УДК 001.12
ББК 70
Н72

Под общей редакцией
Ивановской И.И., Посновой М.В.,
кандидата философских наук

Н72 НОВАЯ НАУКА В НОВОМ МИРЕ: ФИЛОСОФСКОЕ, СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ : сборник
статей XI Международной научно-практической конференции (24 января
2022 г.). – Петрозаводск : МЦНП «Новая наука», 2022. – 96 с. : ил. – Коллектив
авторов.

ISBN 978-5-00174-457-3

Настоящий сборник составлен по материалам XI Международной научно-практической конференции НОВАЯ НАУКА В НОВОМ МИРЕ: ФИЛОСОФСКОЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ, состоявшейся 24 января 2022 года в г. Петрозаводске (Россия). В сборнике рассматривается круг актуальных вопросов, стоящих перед современными исследователями. Целями проведения конференции являлись обсуждение практических вопросов современной науки, развитие методов и средств получения научных данных, обсуждение результатов исследований, полученных специалистами в охватываемых областях, обмен опытом. Сборник может быть полезен научным работникам, преподавателям, слушателям вузов с целью использования в научной работе и учебной деятельности

Авторы публикуемых статей несут ответственность за содержание своих работ, точность цитат, легитимность использования иллюстраций, приведенных цифр, фактов, названий, персональных данных и иной информации, а также за соблюдение законодательства Российской Федерации и сам факт публикации.

Полные тексты статей в открытом доступе размещены в Научной электронной библиотеке Elibrary.ru в соответствии с Договором № 467-03/2018К от 19.03.2018 г.

УДК 001.12
ББК 70

ISBN 978-5-00174-457-3

Состав редакционной коллегии и организационного комитета:

Аймурзина Б.Т., доктор экономических наук
Андрианова Л.П., доктор технических наук
Ахмедова Н.Р., доктор искусствоведения
Базарбаева С.М., доктор технических наук
Битокова С.Х., доктор филологических наук
Блинкова Л.П., доктор биологических наук
Гапоненко И.О., доктор филологических наук
Героева Л.М., кандидат педагогических наук
Добжанская О.Э., доктор искусствоведения
Доровских Г.Н., доктор медицинских наук
Дорохова Н.И., кандидат филологических наук
Ергалиева Р.А., доктор искусствоведения
Ершова Л.В., доктор педагогических наук
Зайцева С.А., доктор педагогических наук
Зверева Т.В., доктор филологических наук
Казакова А.Ю., кандидат социологических наук
Кобозева И.С., доктор педагогических наук
Кулеш А.И., доктор филологических наук
Лаврентьева З.И., доктор педагогических наук
Мокшин Г.Н., доктор исторических наук
Муратова Е.Ю., доктор филологических наук
Никонов М.В., доктор сельскохозяйственных наук
Панков Д.А., доктор экономических наук
Петров О.Ю., доктор сельскохозяйственных наук
Поснова М.В., кандидат философских наук
Рыбаков Н.С., доктор философских наук
Сансызбаева Г.А., кандидат экономических наук
Симонова С.А., доктор философских наук
Ханиева И.М., доктор сельскохозяйственных наук
Червинец Ю.В., доктор медицинских наук
Чистякова О.В., доктор экономических наук
Чумичева Р.М., доктор педагогических наук

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ.....	6
ВЕКТОРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ	7
<i>Семизоров Николай Иванович, Соловьева Людмила Николаевна</i>	
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПОСТМОДЕРНА У Ж.-Ф. ЛИОТАРА	12
<i>Ковревская Вера Евгеньевна</i>	
ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПЦИИ АРИСТОТЕЛЯ И ТОМАСА ГОББСА КАК ОСНОВЫ ЦЕННОСТНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В XIX-XX ВВ.....	17
<i>Ганцевич Андрей Михайлович</i>	
ДИДЖИМОДЕРНИЗМ КАК ВЗГЛЯД НА ЭПОХУ ПОСТПОСТМОДЕРНА. РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ОТ ПСЕВДОМОДЕРНИЗМА К ДИДЖИМОДЕРНИЗМУ. СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ТЕКСТ» И «АУТИЗМ» ВНУТРИ КОНЦЕПЦИИ.....	22
<i>Ряженев Роман Александрович, Жигач Виктория Александровна</i>	
ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПРОДОЛЖЕНИЯ ГУМАНИЗМА	29
<i>А.М. Ганцевич</i>	
СЕКЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	33
ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ГОСТИНИЧНОЙ ИНДУСТРИИ	34
<i>Жемчугова Елизавета Андреевна, Маркинова Елена Вячеславовна</i>	
ИССЛЕДОВАНИЕ УСПЕШНЫХ ПРАКТИК В РАБОТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ.....	40
<i>Ермакова Виктория Сергеевна</i>	
ВНЕДРЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА МАРКЕТИНГА ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ КАМЧАТСКОГО КРАЯ).....	44
<i>Коваленко Ольга Григорьевна</i>	
ПРОТИВ ДУАЛИЗМА ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ: АРГУМЕНТ ОТ РАСОВЫХ ЭКОНОМИК	52
<i>Суркова Анна Владимировна, Маркова Мария Вадимовна, Карташова Мария Владимировна</i>	

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ	56
СИСТЕМОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	57
<i>Балакишин Александр Сергеевич, Владимиров Александр Анатольевич</i>	
РОМАН-ЭПОПЕЯ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «КРАСНОЕ КОЛЕСО» КАК МОДЕРНИСТСКИЙ РОМАН: КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОЕ ОЦЕНКА ..	61
<i>Макарчук Иван Юрьевич</i>	
РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ В СПОРТИВНОМ АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	66
<i>Балахонова Инна Игоревна</i>	
СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	72
КОНЦЕПТ «ГОРДОСТЬ» В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ.....	73
<i>Малахова Светлана Анатольевна</i>	
ПРИНЦИП НАГЛЯДНОСТИ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ	80
<i>Алибулатова Айша Магоме-Алиевна, Аджиева Забия Гамзатовна, Абдулганиева Марьям Алмазовна</i>	
СЕКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	84
ПЕРЕМЕНЫ В КУЛЬТУРЕ РОССИИ ПРИ ПЕТРЕ 1.....	85
<i>Шатова Анна Алексеевна</i>	
СЕКЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	91
РЕЛИГИЯ ПОД ОБЩЕСТВЕННЫМ ДАВЛЕНИЕМ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ	92
<i>Монахова Виктория Дмитриевна</i>	

**СЕКЦИЯ
ФИЛОСОФСКИЕ
НАУКИ**

УДК 101

ВЕКТОРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

Семизоров Николай Иванович

канд. филос. наук, профессор, заведующий кафедрой

Соловьева Людмила Николаевна

канд. филос. наук, доцент, преподаватель,

кафедра военно-политической работы в войсках (силах)

Филиал Военной академии РВСН

имени Петра Великого в г. Серпухове

Аннотация: в статье предпринята попытка философского осмысления современных тенденций социокультурного развития. Показано, что социокультурные трансформации детерминированы становлением информационного общества и сделан вывод, о том, что ключевые векторы данных изменений обусловлены активно развивающимися информационно-коммуникативными технологиями, технологиями искусственного интеллекта и процессами цифровизации.

Ключевые слова: информационная эпоха, информационное общество, информационно-коммуникативные технологии, цифровизация, социокультурные изменения, человек.

VECTORS OF SOCIO-CULTURAL CHANGES IN THE INFORMATION AGE

Semizorov Nikolay Ivanovich

Solovieva Ludmila Nikolaevna

Abstract: The article attempts to philosophically comprehend the current trends in socio-cultural development. It is shown that sociocultural transformations are determined by the formation of the information society and it is concluded that the key vectors of these changes are due to the actively developing information and communication technologies, artificial intelligence technologies and digitalization processes.

Key words: information age, information society, information and communication technologies, digitalization, sociocultural changes, people.

Визитной карточкой современности выступают процессы цифровизации жизни, обуславливающие переход человечества на новую ступень цивилизационного развития – информационную и определяющие ключевые направления социокультурного развития в XXI веке. Достижения последней информационной революции не только детерминируют социокультурную динамику, но и объективно отражают основные векторы изменений социума. Прогрессивное развитие инфокоммуникативных технологий и систем искусственного интеллекта радикально изменили способы работы с информацией, предварив в жизнь цифровые способы обработки, передачи и ее хранения. Цифровизация из явления преимущественно экономического постепенно обретает статус глобального социокультурного тренда, способствуя изменению не только технологического уклада социальной жизни, способов общественно-экономического развития, но и кардинально меняет социальную реальность, самого человека и его культуру. По словам В.В. Миронова, «сегодня культура переживает момент «технологической сингулярности», то есть взрывного ускорения научно-технического прогресса, который может полностью трансформировать культуру и человеческое сознание» [1, с. 183].

Апогеем человеческой эволюции выступает культура как рукотворный, искусственный мир, «вторая природа», возвысившая человека над миром природы физической, однако человечеству третьего тысячелетия удалось, казалось бы, невозможное – преодолеть границы объективной физической реальности, создав виртуальную информационную реальность. Действительно сегодня масштабы и скорость технологических изменений таковы, что контуры грядущей информационной цивилизации просматриваются достаточно четко и весьма осязаемы. Уже сейчас существуют технологические средства, обеспечивающие функционирование мощной информационной инфраструктуры, предоставляющей широкие технические возможности для жизнедеятельности и коммуникации в глобальном информационном пространстве. Постоянное совершенствование технологических возможностей в инфокоммуникативной сфере делает новую реальность практически не отличимой от объективной и совершенствует условия для трансформации человеческого сознания, раскрывая возможности для преодоления

фундаментальных пределов человеческих способностей. Постепенно эта искусственная, необъективная, реальность становится и орудием, и средством изменений реальной жизни общества в целом и человека, в частности, дополняя привычную физическую реальность. В пространстве новой гибридной реальности – единства реального и виртуального миров, протекает бытие современного человека: общение, работа, учеба, досуг. Жизнь и деятельность в глобальном информационном пространстве порождают и новый вид коммуникации – виртуальную. Реальное общение все больше отесняется в информационное пространство и замещается виртуальной коммуникацией: телефонные разговоры, смс-общение, общение в чатах, мессенджерах, социальных сетях и другое – тому подтверждение. Сайты, блоги, социальные сети, чаты, форумы – все это площадки для виртуального общения.

Необходимость постоянного балансирования между двумя реальностями, объективной физической и информационной виртуальной, а также между двумя типами времени, онлайн и офлайн, таит в себе угрозы как физической, так и ментальной дезориентации человека, способствуя деструкции его субъективности. Дерезализация реальности, дезориентация, манипуляция, навязывание обманчивых идеалов и ценностей, стереотипов поведения влекут за собой изменение ключевых онтологических, антропологических, аксиологических констант, радикально меняют представления человека о самом себе, социуме, культуре, о пространстве и времени, о реальности как таковой. В результате трансформируется сама личность, постепенно переставая быть абсолютно плотским субъектом, к гармоничному единству биологического, социального и психологического добавляется цифровое.

Соглашаясь с классиками, прогнозировавшими образы информационного будущего в середине-последней трети прошлого столетия С. Лемом, Э. Тоффлером, Д. Беллом, М. Кастельсом, следует заключить: действительно, жизнь человека информационной эпохи отчасти протекает в границах виртуального пространства и действительно, современный человек обрел цифровую атрибутику и эта дематериализующая бытие тенденция направлена в сторону ускорения темпов. И прогноз технического директора Google и футуролога Р. Курцвейла относительно тенденций дальнейшего технологического прогресса и перспектив развития искусственного интеллекта, верно определившего главный вектор всего технологического развития – тотальную интеграцию человека и компьютера [2], обретает реальность.

*НОВАЯ НАУКА В НОВОМ МИРЕ:
ФИЛОСОФСКОЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ,
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ*

Символом информационной современности, наряду с компьютером и Интернетом, может стать человек с опущенной головой, устремивший свой взор в планшет, смартфон. Специалисты уже окрестили современное поколение «поколением с опущенной головой» [1, с. 185].

Таким образом, переход человечества к обществу нового информационного порядка обусловлен процессами цифровизации. Информационная эпоха по-новому расставила незыблемые до сих пор приоритеты онтологии человека: создается принципиально новая среда жизнедеятельности, виртуальная, открывшая новые грани в вопросе реальности/иллюзорности поведенчески-деятельного и экзистенциального выбора человека, успешно претендующая на статус приоритетной для жизни; возникает новый вид взаимодействия в виртуальном пространстве – новый вид коммуникации – виртуальная, как результат адаптации к новым условиям жизни; трансформируются традиционная антропологическая атрибутика, дополняется цифровым компонентом. По сути, человек начала третьего тысячелетия оказывается в точке бифуркации, когда предельно расширившие мир человека, нивелировавшие пространственно-временные горизонты технологии могут превратить человека в свой придаток, безликое, бездуховное и даже бестелесное существо, а могут и позволить выйти на новый уровень цивилизационного развития, увеличив пространство свободы, творчества, гуманности.

В этой связи уместно вспомнить предостережения классиков. А.А. Тарковский: «Технический прогресс, который сопровождает историю, по существу создает протезы, удлиняющие руки, обостряющие зрение, позволяющие человеку передвигаться значительно быстрее. Но это не сделало человечество счастливее. Наша личность вступила в конфликт с обществом. Мы не развиваемся гармонически, наше духовное развитие настолько отстало, что мы уже являемся жертвами лавинного процесса технологического роста» [3]. Д.С. Лихачев: «XXI век будет веком гуманитарных наук и гуманизма. В противном случае человечество может вырождаться в гуманоидов, умеющих считать и пользоваться компьютерами, но их духовные ценности можно будет выразить одним-двумя словами» [4, с. 31]. Данные цитаты как нельзя лучше иллюстрируют состояние и возможные перспективы информационной современности, подчеркивая актуальность и необходимость всесторонней философской рефлексии рассматриваемой проблематики, что позволит

скорректировать дальнейшее социокультурное развитие и выбрать верный вектор развития.

Список литературы

1. Миронов В.В. Цифровая пещера как возможный вектор развития культуры // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: материалы XIX Междунар. Лихачевских научных чтений, г. Санкт-Петербург, 22-24 мая 2019 г. / Санкт-Петербург. гос. ун-т профсоюзов; науч. ред. А.С. Запесоцкий. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2019. – С. 183-186.
2. Курцвейл Р. Прогноз развития технологий до 2099 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.computerra.ru>. – Дата доступа: 25.12.2021.
3. Тарковский А.А. Слово об апокалипсисе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tarkovskiy.su>. – Дата доступа: 25.12.2021.
4. Лихачев, Д.С. XXI век должен быть эпохой гуманизма. – М.: Наука, 1987.

© Н.И. Семизоров, Л.Н. Соловьева, 2022.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПОСТМОДЕРНА У Ж.-Ф. ЛИОТАРА

Ковревская Вера Евгеньевна

канд. филос. наук

ФГАОУ ВО «Московский физико-технический институт» (НИУ)

Аннотация: Ж.-Ф. Лиотар связывает постмодерн с современным состоянием общества и определяет его как недоверие и критику в отношении метанарративов, легитимирующим общество. Поэтому философию постмодерна в целом, согласно Лиотару, следует определять как обновленную версию скептицизма.

Ключевые слова: постмодернизм, знание, метанарративы, легитимация.

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT OF POSTMODERNISM IN J.-F. LYOTARD

Kovrevskaya Vera Evgenievna

Abstract: J.-F. Lyotard connects postmodernity with the modern state of society and defines it as distrust and criticism of meta-narratives that legitimize society. Therefore, postmodern philosophy as a whole, according to Lyotard, should be defined as an updated version of skepticism.

Key words: postmodernism, knowledge, meta-narratives, legitimization.

Французский культуролог, мыслитель Жан-Франсуа Лиотар первым предложил философское осмысление постмодернизма. В своей знаменитой работе «Состояние постмодерна» (1979 г.). [1] Лиотар начинает с вопроса о статусе науки в современном мире. Он констатирует, для нас сегодня наука глубоко связана с языком: научное знание – это своего рода дискурс. И справедливо будет сказать, что за последние сорок лет так называемые передовые науки и технологии имеют отношение к языку: фонология и теории лингвистики, проблемы коммуникации и кибернетики, современные теории алгебры и информатики, компьютеры и их языки, проблемы перевода и поиск областей совместимости между компьютерными языками, проблемы хранения информации и банков данных и т.д. [1, с. 14]

*НОВАЯ НАУКА В НОВОМ МИРЕ:
ФИЛОСОФСКОЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ,
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ*

С индустриализацией железо и сталь стали товарами; сегодня, в постиндустриальном мире, само знание стало товаром, поэтому Лиотар ссылается на "меркантилизацию знаний". Лиотар утверждает, что знания в настоящее время являются самым важным достоянием общества и самым ценным товаром в мире, в будущем они могут стать источником конфликтов между нациями. Тот, кто контролирует знания, теперь осуществляет политический контроль над обществом. Из этого вытекает проблема легитимации знания. Лиотар спрашивает: "Кто решает, что такое знание?"

Традиционно научное знание противопоставлялось идеологии или мнению. Однако, как отмечает Лиотар, тут есть две проблемы. Во-первых, если идеология - это своего рода дискурс, то и "научное знание - это своего рода дискурс", и это влечет за собой вопрос, как мы их различаем. Во-вторых, существует проблема «бесконечного регресса»: если научная истина получена с помощью данных и доказательств, то, спрашивает Лиотар, какие есть доказательства того, что мое доказательство истинно.

Лиотар утверждает, что научное знание никогда не легитимировало само себя, потому что оно всегда опиралось на то, что он называет «повествовательным знанием». Нарративное знание привычно, встроено в культуру, реализуется в формах социальной компетентности как «жизненный опыт», который обычно репрезентируется как повествование. В отличие от научного знания, нарративное знание выходит «за рамки критерия истины» и не требует дальнейшей легитимации, потому что оно легитимирует само себя.

Лиотар утверждает, что нарративное знание, к которому призывает наука, приняло форму того или иного из двух главных, или «великих», повествований: (1) повествования об "освобождении людей", для которого наука считается необходимым средством (Лиотар имеет в виду рационализм восемнадцатого века на службе великих революций, американских и французских, рационализм, который истолковывает суеверия как рабство, и от которого знание может нас освободить), и (2) повествование о триумфе науки как чистого и достоверного знания. (Этот рассказ, возникший в культуре эпохи Возрождения, продолжается Просвещением и далее в работах Гегеля и позитивизма девятнадцатого века.) Эти повествования Лиотар называет метанарративами. Это доктрины, которые утверждают, что способны объяснить всё и могут противостоять любой попытке изменить или опровергнуть их. Они играют роль объяснительных схем, служащие для легитимации современного

общества. [См. 2, с. 212-217]. Среди таких метанарративов Лиотар перечисляет религию, Просвещение, капитализм, марксизм и т.п. Марксизм, например, имеет свое собственное особое повествование о мировой истории, которое он считает единственно истинным и, следовательно, неподвластным какой-либо критике или необходимости пересмотра. Это не повествование, которое нужно постоянно переосмысливать в свете меняющихся событий, но догматическая теория, которая сохраняется с течением времени и авторитет которой никогда не должен подвергаться сомнению.

Однако теперь все это ушло. В условиях постмодерна «великое повествование утратило свою убедительность... независимо от того, является ли это спекулятивным повествованием или повествованием об освобождении». Вместо обобщения и объединения повествований в центре культуры - создания центра культуры - любая прежняя «иерархия познаний» теперь уступила место «имманентной и, так сказать, «плоской» сети областей исследования». [1, с. 58]

Знания теперь состоят из разнородности конкурирующих локальных знаний, в которых есть просто «островки детерминизма». Знания стали перформативными, в них больше не решается вопрос: "Истинно ли это?", а "Какая в этом польза?". Каждый дискурс оценивается в терминах того, что Лиотар называет «паралогией», способностью параллельных, а не иерархически организованных знаний придумать какой-то новый ход, инновацию.

Лиотар приветствует то, что он рассматривает как политический результат этого нового состояния, конец авторитаризму, претендующему на всеобъемлющее понимание реального. Давайте начнем войну с тотальностью, призывает Лиотар.

В этом отношении постмодернизм довольно четко определен: он характеризует современную ситуацию, в которой, как выразился Лиотар, «большинство людей утратили ностальгию по утраченному повествованию». Было бы неправильным толкованием анализа Лиотара ответить, что все еще существуют великие нарративы, одним из которых является его собственная история о том, как рационализм Просвещения уступил место постмодернистскому скептицизму. На карту поставлено не просто осознание, но активное доверие и вера, предполагаемые концепцией повествовательного знания. Более разрушительным будет вопрос о том, можно ли когда-либо отделить повествование и научное знание друг от друга, как предполагает Лиотар. И некоторые авторы не согласны с ним, в том числе Жак Деррида.

Лиотар противопоставляет метанарративам "небольшие повествования" (*petit récit*), или микронарративы, которые состояются небольшими группами людей для достижения какой-то конкретной тактической цели (например, призыв студентов и рабочих к правительственным реформам на демонстрациях 1968 г. в Париже). Эти микронарративы не претендуют на то, что у них есть ответы на все проблемы общества, и они делятся столько, сколько необходимо для достижения этих целей. Лиотар считает, что небольшие повествования являются наиболее изобретательным способом создания и распространения знаний. Они помогают разрушить монополию на истину, традиционно осуществляемую большими повествованиями. В науке они должны рассматриваться как основное средство исследования. Теперь, когда «наука оказывается не более чем одной из языковых игр: она не может более претендовать на имперские привилегии по отношению к иным формам знания, как то было в эпоху модерна» [3, с. 20]. Лиотар полагает, что постмодернистская наука – это поиск парадоксов, нестабильности и неизвестного, а не попытка создать еще одно грандиозное повествование, которое охватывало бы все научное сообщество.

Философия постмодерна в целом не видит необходимости в прямой конфронтации с системами власти, будучи более заинтересованной в демонстрации того, как такие системы (марксизм и коммунизм прежде всего) могут быть разрушены. Реакцию против доктринерского марксизма в работах таких мыслителей, как Лиотар и Бодрийяр, можно рассматривать как часть еще одного культурного течения, которое известно как постмарксизм. Марксизм не смог идти в ногу со временем и понять, насколько сложным, разнообразным и «множественным» стало общество. Вместо этого марксизм застрял на уровне попыток навязать свои теории другим на том основании, что он один обладает истиной. С этой точки зрения марксизм является авторитарной теорией. Именно это недоверие к великой теории и ее авторитарным претензиям можно считать отличительной чертой философии постмодерна, которая сохраняет либертарианскую позицию во всех своих различных проявлениях. «Упрощая до крайности, мы считаем "постмодерном" недоверие в отношении метарассказов. Оно является, конечно, результатом прогресса науки; но и прогресс в свою очередь предполагает это недоверие». [1, с. 12].

В целом, согласно Лиотару, философию постмодерна следует определять как обновленную версию скептицизма. Постмодерн больше озабочен

дестабилизацией других теорий и их притязаниями на истину, чем созданием собственной позитивной теории; хотя, конечно, скептически относиться к теоретическим утверждениям других – значит иметь определенную собственную программу. В какой-то степени постмодернизм сам стал «великим повествованием» и поэтому сам уязвим для критики.

Таким образом, философию постмодерна можно рассматривать как применение философии для подрыва авторитарных императивов в культуре, как на теоретическом, так и на политическом уровне.

Список литературы

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Алетейя, СПб., 1998.
2. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм, Постмодернизм. М., 1996.
3. Андерсен П. Истоки постмодерна. М., 2011.

УДК 101.8

DOI 10.46916/25012022-978-5-00174-457-3

**ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПЦИИ АРИСТОТЕЛЯ И ТОМАСА ГОББСА
КАК ОСНОВЫ ЦЕННОСТНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ
В XIX-XX ВВ.**

Ганцевич Андрей Михайлович

магистрант

научный руководитель: **Меньшиков Андрей Сергеевич**

к.ф.н., доцент

ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Аннотация. Статья изучает философские представления Аристотеля и Томаса Гоббса как основы, на которых впоследствии развивались общественные идеологические установки в XIX-XX вв. Показана ключевая связь философских концепций со стадией общественного развития того общества, в котором жил мыслитель.

Ключевые слова: ценностный конфликт, высшее благо, меньшее зло, Аристотель, Гоббс, диалектический материализм, древнегреческая философия, Просвещение, марксизм, гуманизм.

**PHILOSOPHICAL CONCEPTS OF ARISTOTLE AND THOMAS HOBBS
AS BASES OF VALUE SOCIETAL CONFLICTS
IN 19TH AND 20TH CENTURIES**

Gantsevitch Andrei Mikhailovich

Scientific Adviser: **Menshikov Andrei Sergeyeovich**

Abstract. The article shows the philosophical notions of Aristotle and Thomas Hobbes to be bases on which subsequent ideological societal positions were to form in 19th and 20th centuries. The key role of the social conditions of a society of the philosopher in question is emphasised.

Key words: value conflict, summum bonum, lesser evil, dialectical materialism, ancient Greek philosophy, Enlightenment, Marxism, humanism.

Ценностный конфликт подразумевает определенные исходные установки конфликтующих сторон. В европейской философской и социологической традиции, а также в массовом сознании, по большей части имплицитно, сложилось два подхода к оценке *общественного идеала*: *принцип меньшего зла* (назовем его *гоббсовский принцип*) – по сути, сохранение статус-кво, порядок буржуазного мира, с его индивидуалистическим идеалом, яснее всего выраженный в категории частной собственности на средства производства (в теории, достижение доступное всем членам общества при должном усердии и трудолюбии) и в, как неотъемлемой части этой собственности, *не имеющей границ эксплуатации наемного труда*; иной принцип – *summum bonum* (*принцип высшего блага*), – обозначенный Аристотелем в «Никомаховой этике», при множестве собственных интерпретаций, подразумевает в широком смысле *стремление к идеальному обществу*, не воспринимая данность как нечто неизменное. Таким образом, данный принцип вступает в прямое противодействие с принципом статус-кво.

Стоит заметить еще раз, что категория *высшее благо* осмыслялась и осмыляется очень по-разному, но для целей нашей работы идеально подходит формулировка Аристотеля из «Никомаховой этики», где говорится о политическом (общественном), государственном как «высшей форме искусства», где «лежит высшее благо» [1, с. 4].

Какой бы простой ни казалась на первый взгляд дихотомия *меньшего зла* (*гоббсовский принцип*) и *высшего блага* (*аристотелевский принцип*), обе эти категории требуют разбора и анализа, чтобы понять диалектику ценностных конфликтов XIX – XX вв (прежде всего столкновение революционеров-коммунистов и традиционалистов-консерваторов).

Для Гоббса в классическом его труде «Левиафан» *индивидуализм* является *базовой единицей анализа человеческого поведения*, причем схема этого поведения очень механистична. Принцип страха и боязнь небезопасности определяют необходимость и истоки государства; из этого выводится смысл человеческого существования – *безопасность, сохранение жизни* (разумно, но вряд ли такой принцип может претендовать на высокий идеал, способный захватить массы) [5, с. 3 – 4]. Разумеется, Гоббс, живший в эпоху Тридцатилетней войны и Гражданской войны в Англии, очень кровопролитных, масштабных и затяжных конфликтов, высоко ставил принцип безопасности, порядка и относительного покоя.

Живший в эпоху развивающегося капитализма, в меркантилистской его форме, Гоббс видел общество через идеализированную призму рыночной экономики: все другие вокруг – потенциальные конкуренты, почти по римскому принципу *homo homini lupus est* («человек человеку – волк») [5, с.5]; всё измеряемо рынком, даже благочестие, человек – такой же товар, как и всё, что попадает на рынок (процессы коммодификации и овеществления – важные категории марксистской критики капитализма). В картине мира Гоббса традиционный принцип справедливости перестает существовать; возникает *принцип рыночной справедливости* [5, с. 8].

Возникает замечательный парадокс. Гоббс становится апологетом статус-кво буржуазного общества, *хотя в реальности для него этого статус-кво не существовало*: Гоббс жил в хаотичные времена, когда желание покоя и безопасности воспринималось почти как *утопичный идеал*. С другой стороны, Гоббс *ориентировался на уже сложившиеся буржуазные отношения*, идеализировал рынок и видел в нем идеальный инструмент регуляции индивидуалистического и агрессивного начала человека, «войны всех против всех».

Перейдем теперь к *принципу высшего блага*.

Encyclopaedia Britannica просто определяет этот термин как «идеал человеческого достижения, зависящий от той или иной этической системы». [3, с. 97]. Опять же поистине диалектическим образом с такой скудной формулировкой принцип меньшего зла Гоббса можно назвать *высшим благом его этической системы*, кроме этого высшее благо в идеализированном буржуазном мире Гоббса это, конечно, *личный успех, причем успех рыночный*. В капиталистическом обществе этот успех может быть *гарантирован лишь относительным неуспехом широких слоев* наемных рабочих, эксплуатируемых «успешным» игроком-капиталистом (при этом рабочие не обязательно должны это осознавать и могут жить не так уж и плохо, тем не менее желая подсознательно встать на место эксплуататора, в результате чего *эксплуатация становится своего рода общественным идеалом для всех классов и слоев общества, включая собственно эксплуатируемые*). Иными словами, *принцип Гоббса нельзя назвать высшим благом*, по той простой причине, что такая система плодит огромное количество эксплуатируемых масс, увеличивая их по экспоненте. Меньшее зло в определенный момент становится для общества большим, хотя бы потому, что количественные изменения приводят к

*НОВАЯ НАУКА В НОВОМ МИРЕ:
ФИЛОСОФСКОЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ,
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ*

качественным, как и относительно свободная конкуренция на определенном этапе развития общества постепенно приводит к росту монополий.

Но вернемся к Аристотелю. У Аристотеля *политическая наука начинается с этики*, а роль этики – «осветить человеческое существование». *Высшее благо* он определяет среди прочего как «совершенное действие души в полноценной жизни» [2, с. 1]. Как бы туманно это ни звучало, акцент на личностном, психологическом развитии в противоположность развитию рыночному просматривается достаточно ясно. Но, с другой стороны, в чем отличие от *принципа меньшего зла Гоббса*? Разве и там и тут не возводится в идеал индивидуализм и то, что сейчас бы назвали «личностным ростом»? Для человека, выросшего в буржуазном, рыночном обществе разницы действительно как будто нет. Но введем побольше контекста аристотелевского времени.

Как синонимический эквивалент термину «высшее благо» Аристотель вводит термин «эвдемония» (древнегреческое *eudaimonia* – «счастье, процветание»), традиционный *атрибут богов*, таким образом *приводя человеческий идеал в отношение с чем-то сверхчеловеческим* [2, с. 2]. Следует отметить, что бог для Аристотеля есть *единая, совершенно самодостаточная, бесконечная деятельность разума*. [2, с. 2]. Как видим тут ставится идеал, далеко выходящий за рамки гоббсовского *меньшего зла*. *Аристотелевская этика строится на космической антропологии*, в которой собственно человеческое существование сравнивается с иными потенциальными формами жизни [2, с. 3]. Сравним это с узко-буржуазной логикой меньшего зла, которое есть высшее благо, вдавненное в прокрустово ложе узких производственных отношений капитализма, что *пестует индивида, но не личность* (индивид как товар среди множества иных на рынке).

Высшее благо как «жизнь души в совершенстве» подразумевает, по Аристотелю, *независимость от обстоятельств* (а зависимость от обстоятельств огромных масс населения – важный фактор существования буржуазного общества), отсюда – непривязанность к физической и социальной среде, деятельность в соответствии с собственной природой (почти знаменитый коммунистический идеал «от каждого по способности, каждому по потребности»!), бесконечно интересная и совершенно самодостаточная [2, с. 5].

Аристотель прямо говорит о высшем благе *как цели государственной деятельности, цели индивида и цели для полиса* [2, с. 9]. Хороший муж,

совершенная личность, по Аристотелю, есть мера во всех ценностях [2, с. 13]. Это мерило прямо противоположное рыночному мерилу Гоббса. Далее, важной ролью государственного мужа в меняющиеся времена является, как считает Аристотель, подготовка индивидов для переключения на новую адекватную модель совершенной деятельности [2, с. 18]. Как видим, гераклитова категория *перемены* очень важна для Аристотеля. Это вновь противопоставляет его монолитному, неизменчивому буржуазному миру Гоббса, где нет выхода за границы, четко поставленные принципом меньшего зла.

Аксиомой для Аристотеля является то, что человеческая деятельность была бы напрасна, если бы не была поддерживаема конечным благом в качестве последнего предмета [4, с. 4]. Более того, он утверждает, что высшее благо едино и ему подчинены все блага низшие, оно есть причина и источник всех низших благ; кроме того, без существования высшего блага *любое осознанное, интенциональное действие было бы пустым и напрасным* [4, с. 26]. Несомненно, ощущение пустоты и напрасности – очень знакомое чувство для обитателей буржуазного мира.

Итак, противостояния XIX-XX вв. (вылившиеся в XX в. в холодную войну между СССР и США) были подготовлены двумя чёткими культурно-историческими, ценностными традициями, причем с виду более передовая является и значительно более древней (позиция, восходящая к принципу высшего блага Аристотеля).

Список литературы

1. Aristotle, The Nicomachean Ethics translated by F. H. Peters, M.A. London: Kegan Paul, Trench, Truebner & CO., Ltd., 1906.
2. Brodie, Sarah. “Aristotle's Elusive Summum Bonum.” *Social Philosophy and Policy* 16, no. 1 (Winter 1999): pp. 233–51. Brody, Baruch.
3. Encyclopædia Britannica, Volume 26, 1911. URL https://en.wikisource.org/wiki/1911_Encyclop%C3%A6dia_Britannica/Summum_Bonum
4. Shields, Christopher. “The Summum Bonum in Aristotle's Ethics: Fractured Goodness.” *The Highest Good in Aristotle and Kant* / Joachim Aufderheide and Ralf M. Bader: pp. 83 – 111. Oxford : Oxford University Press, 2015.
5. Zaratiegui Jesus M. “A Reading of Hobbes’ Leviathan with Economists’ Glasses.” *International Journal of Social Economics*, 2000, vol. 27 (n. 2): pp 134-146.

**ДИДЖИМОДЕРНИЗМ КАК ВЗГЛЯД
НА ЭПОХУ ПОСТПОСТМОДЕРНА. РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ОТ
ПСЕВДОМОДЕРНИЗМА К ДИДЖИМОДЕРНИЗМУ. СООТНОШЕНИЕ
ПОНЯТИЙ «ТЕКСТ» И «АУТИЗМ» ВНУТРИ КОНЦЕПЦИИ**

**Ряженев Роман Александрович
Жигач Виктория Александровна**

студенты

научный руководитель: **Ищенко Елена Николаевна**

д. филос. н., проф.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Аннотация: В статье рассматривается концепция Алана Кирби и анализируется сменивший эпоху постмодерна диджимодернизм, характерные для него технологии. Также показывается развитие теории: от псевдомодернизма к диджимодернизму. Исследуется изменение отношений между «аудиторией» и продуктами цифровой культуры.

Ключевые слова: диджимодернизм, постпостмодернизм, псевдомодернизм, текст, аутизм.

**DIGIMODERNISM AS A VIEW OF THE POST-POSTMODERN ERA.
THE DEVELOPMENT OF THE THEORY FROM PSEUDO-MODERNISM
TO DIGIMODERNISM. THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS
OF "TEXT" AND "AUTISM" WITHIN THE CONCEPT**

**Ryazhenov Roman Aleksandrovich
Zhigach Victoria Aleksandrovna**

Scientific adviser: **Ishchenko Elena Nikolaevna**

Abstract: The article examines the concept of Alan Kirby and analyzes the postmodern digimodernism that replaced the era of postmodernity, the technologies characteristic of it. The development of the theory is also shown: from pseudo-modernism to digimodernism. The article examines the changing relationship between the "audience" and the products of digital culture.

Key words: digimodernism, post-postmodernism, pseudo-modernism, text, autism.

От псевдомодернизма к диджимодернизму.

Философское творчество Алана Кирби можно разделить условно на два этапа: псевдомодернизм и диджимодернизм. И первый и второй – названия концепций постпостмодерна. Причем как особенность можно отметить, что ни от одной автор не отказывается.

Псевдомодернизм – пессимистический взгляд на современную (цифровую) эпоху, где с одной стороны человек остается в границах системы координат, которые заданы еще модерном, с другой – цифра обесмысливает культуру, а, значит, делает жизнь моментально преходящей.

Суть концепции сводится к следующему: соглашаясь со смертью постмодерна, Кирби говорит, что настала новая эпоха, особенностью которой являются совершенно новые технологии. Во многом это и приводит к совершенно иным отношениям между «аудиторией» и «цифровым миром».

Такие области, как интернет, кино, литература, компьютерные игры, телевидение и музыка в XXI веке сильно видоизменились в отношении к прошлым векам, потому и возникает необходимость в принципиально новом отношении от потребителя к технологиям.

Таким образом, псевдомодернизм включает в себя телешоу и радиопрограммы, иными словами «тексты», «контент и динамика которых напрямую зависят от участия зрителя или слушателя». Выходит, что сегодня автора как такового в действительности нет, зато все, что производят «аудитория» или участники культурного процесса (то есть вообще все люди), есть «текст» в широком смысле.

Выходит, что проблема состоит в том, что в новой эпохе этот текст является ничейным.

Потребители текста становятся непосредственно его авторами: «...та культура, которую мы имеем сейчас, обожествляет потребителя текста до такой степени, что он становится частью – или всецело – автором произведения. Оптимисты, возможно, разглядят в этом демократизацию культуры; пессимисты укажут на мучительную пошлость и пустоту культурной продукции, создаваемой подобным образом». [1, с. 327]

*НОВАЯ НАУКА В НОВОМ МИРЕ:
ФИЛОСОФСКОЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ,
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ*

Из всего выше сказанного становится ясным, почему мы говорим о *псевдомодернизме*: с одной стороны, нынешние реалии остаются в рамках прежней системы координат, заданных еще модерном, с другой – эпоха цифры делает культуру и вообще все вокруг бессмысленными, иначе говоря, делает саму жизнь моментально преходящей: «Невоспроизводимый и мимолетный, псевдомодернизм страдает амнезией: есть лишь культурные акты настоящего, не связанные ни с будущим, ни с прошлым». [1, с. 331]

Псевдомодернизм, с точки зрения Кирби, является технологически обоснованным сдвигом в культуре к центру того, что на самом деле было всегда, то есть мы остаемся «модернистами». Но нынешняя культура является электронной, «текстуальной» и при этом гиперэфемерной. Новизна ситуации псевдомодерна заключается в том, что «...вслед за принятием нового взгляда на реальность стало понятно, что господствующие основы мышления тоже изменились. Пока продукты постмодернистской культуры были преданы тому же “историческому консервированию”, какое в свое время пережили модернизм и романтизм, заложенные им [постмодернизмом] интеллектуальные тенденции – феминизм, постколониализм и т.д. – сегодня оказываются изолированными в новой философской среде». [1, с. 331]

В конечном итоге, Кирби решил назвать псевдомодернизмом все худшее, что есть в цифровой эпохе, и наделить диджимодернизм позитивным содержанием, – главным образом, правда, оно сводится к надеждам. Иначе говоря, диджимодернизм можно задать формулой: негативное содержание современной эпохи (псевдомодернизм) + позитивное содержание эпохи (надежды).

Что такое диджимодернизм, исходя из концепции Кирби? Это не столько новая культурная парадигма, сколько «культурная логика» или же «форма культурной гегемонии» – форма мышления о современности.

Сама «Диджисовременность» не является проектом современности, она фикция, существует внутри более широкого проекта – современности – и фиксирует переход от одной исторической эпохи к другой. Важен тот факт, что модерн остается доминирующей парадигмой социокультурного развития, и диджимодерн, как в свое время постмодерн, являет собой лишь новый этап проекта современности.

По мнению Кирби, сложность с периодизацией и пониманием сути диджимодерна заключается в том, что она символически не связана ни с

какими историческими событиями. К слову, сама современность фактически родилась в период Великой французской революции.

А эпоха диджимодернизма, с точки зрения Кирби, связана с таким историческим событием, как 11 сентября 2001 года, но эта дата никоим образом не касается диджисовременности как таковой. Если 11 сентября 2001 года что-то и символизировало, так это конец эры постмодерна. Несмотря на то, что мы не можем обнаружить точную дату рождения постсовременности, то, по крайней мере, нам известно событие, возвестившее о ее завершении.

Какие тогда у Кирби аргументы в пользу того, что мы живем в эпоху новой культурной логики? Ирония, присущая постмодерну, постепенно уходит на второй план, а мы все более обращаемся с серьезностью к происходящим событиям или к социальным явлениям.

Такой подход тесно связан с культурой, ориентированной на детей. За пример Кирби берёт первый эпизод франшизы «Звездные войны» «Звездные войны I: Скрытая угроза», где главные герои рассуждают о добродетелях республики и осуждают пороки империи, то говорят довольно серьезно – поскольку дети не понимают иронии, им нужно говорить напрямую, подавать идеи в чистой форме.

С детьми также связывают и тезис о «бесконечных нарративах». Вновь беря за пример ту же франшизу «Звёздные войны», мы можем отметить, что сериал сегодня не просто продолжается, но получил самостоятельные ответвления, такие как «Изгой-один. Звездные войны: истории» (2016) и «Хан Соло. Звездные войны: истории» (2018). Примерно то же самое стало с франшизой «Гарри Поттер», которая нашла свое завершение, но ее отдельные «продолжения» существуют как в виде книг, так и в виде фильмов.

Замечание, касательно серьезности и бесконечных нарративов, имеет место: некоторые нарративы сегодня не заканчиваются, оставаясь «бесконечными». И, независимо от того, прав ли Алан Кирби во всех своих выводах, особенно тех, что касаются генерализации, несколько его блестящих догадок, сделанных еще в 2009 году, со временем подтвердились в полной мере. В частности, особо это касается новой искренности, на которую иные постпостмодернисты обратили внимание лишь через год, что, однако, подтверждает наличие этого тренда в современной культуре. [1, с. 336]

Также, на что обращает своё внимание Кирби, – это то, что он именуется «ядовитыми метанарративами». Кирби отмечает, что из-за неправильного

перевода англоговорящие читатели неверно поняли Лиотара, Кирби заявляет, что ни о каком конце метанарративов сегодня говорить не приходится. Эти метанарративы скорее отравляют общество, нежели работают на благо. [1, с. 336]

Примером такового ядовитого метанарратива Кирби считает религию, но только ту, что являет себя в публичном пространстве. То есть в эпоху диджимодерна религия приобрела культурные, социальные и политические функции, оказавшись предельно токсичной. Она порождает разные формы насилия, убийства, разрушение, иррационализм, суеверия, ненависть, жестокость, давление и действует против свободы, образования и демократии. Сам Кирби заявляет, что по многим причинам не является атеистом, и потому его комментарий следует считать не антирелигиозным, но социально-политическим.

Таким образом, диджимодернизм — это своего рода новая культурная логика проекта «современность», а не новая культурная парадигма, не новый проект современности. Он, как и постмодерн, продолжение «современности», зародившейся ещё в период Великой французской революции, как будто то франшиза «Звездных войн» со своими «бесконечными нарративами».

2.2. Текст и аутизм в эпоху диджимодерна.

Кирби пишет, что, если сущностью психологического состояния человека модерна был невроз, а постмодерна – шизофрения, то в эру диджимодерна – это аутизм. Так аутизм становится неотъемлемой составляющей или вовсе природой диджимодерна, поскольку он оправдывает добровольную изоляцию от общества, а социопатическое становится нормативным и легитимируется посредством репрезентации в культуре.

Иначе говоря, бич диджимодернизма – псевдоаутизм. Диджимодерн посредством новых изобретений (айпод, персональный компьютер, смартфон, интернет и т.д.) позволяет человеку создать личную — но замкнутую на себе самом — Вселенную, в которую можно никого не допускать и вообще прекратить всякую коммуникацию. С помощью гаджетов человек создает те самые «тексты». Они в свою очередь нормализуют и делают гламурным состояние не-социализации и не-коммуникации, которое можно рассматривать в некотором роде как «псевдоаутистическое». [1, с. 339]

Так, нормой становятся некая инфантильность, легкомыслие, сверхчувствительность, невежество, проблемы с концентрацией внимания,

самодовольство, эгоцентричность, социальная некомпетентность и т.д. Но объяснение кризиса культуры псевдоаутизмом сам Кирби находит недостаточным, так как современное западное общество делает нормой одно – консюмеризм. То есть, «нормой становится состояние консюмеризма; все, что враждебно относится к консюмеризму, сводится к психическим заболеваниям», то есть к аутизму. Сами аутисты же не могут сопротивляться новой культуре: быть «ненормальными» – это не их выбор, но общество стигматизирует тех, кто не вписывается в новую «норму». Так, Кирби приходит к мрачному выводу, что общество, которое сегодня так активно производит аутизм, не заслуживает того, чтобы выжить, – «и не выживет» [1, с. 340]

По мнению Кирби, важной проблемой диджимодернистского общества является «смерть компетентности», которую он связывает с автоматизацией и постоянной зацикленностью на «настоящем», из-за чего люди утрачивают социальные и прочие навыки, позволяющие им успешно функционировать в обществе. Диджимодерн уничтожает пространство компетентности, но не предлагает ничего нового взамен.

Есть ли из этого выход? Сам Кирби считает, что для перехода к позитивным изменениям требуется, чтобы Просвещение было обновлено постмодернизмом; чтобы восстановилась структура семьи, справедливо раскритикованная феминизмом. Проблема заключается в том, что сегодня ни одно из политических течений не желает этим заниматься: все хотят потреблять, а это чревато гибелью. [1, с. 340—341]

По мнению Александра Павлова, концепция диджимодернизма, не смотря на свою уникальность, «...на сегодняшний день несостоятельна. Но сам образ рассуждений Кирби скорее оказывается тем, что австралийский политический теоретик Джон Кин определил как «ностальгический модернизм» (то есть неприятие цифровой культуры), представили которого обеспокоены тем, «не оглушает ли нас жизнь в Интернете», и тем, что «мы слишком часто кликаем мышкой, читаем мало, а помним еще меньше»». [1, с. 344]

Список литературы

1. Павлов А.В. Философия культуры в постпостмодернизме: критический анализ, 2019. — 447 с.
2. Павлов А.В. Образы современности в XXI веке: диджимодернизм: рецензия на книгу Алана Кирби. / Павлов А. В. // Философия. Журнал высшей школы экономики. – 2018. – Т. II, № 2. – С. 197–212.
3. Сафронов Э.Е. Что будет вместо постмодерна? Диджимодернизм как культурная доминанта. / Сафронов Э.Е. // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2019. – 18 с.

УДК 101.8

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПРОДОЛЖЕНИЯ ГУМАНИЗМА

А.М. Ганцевич

ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Аннотация. Статья показывает ущербность разделения наук на естественные и гуманитарные, которое сложилось в европейской традиции с конца XVIII в. почти одновременно с развитием публичного образования, когда произошел отход от традиционного философского метода под влиянием настроений индустриальной революции и технического развития общества. Показаны истоки диалектического материализма от древнегреческой традиции до эпохи Просвещения и классического идеализма, а также неразрывная связь его с гуманистической мыслью, которая ставит задачу пойти дальше, на преодоление имманентных Просвещению эксплуатационных и репрессивных элементов, что делает диалектический материализм особенно актуальным сегодня, когда поляризация общества усиливается, а новые подходы к анализу реальности предложены не были. Показана прямая связь отказа от диалектического материализма с отставанием в развитии на примере восточноевропейских обществ.

Ключевые слова: диалектический материализм, древнегреческая философия, Просвещение, марксизм, гуманизм.

REVIVAL OF DIALECTICAL MATERIALISM AS A NECESSARY CONDITION FOR THE CONTINUATION OF HUMANISM

Andrei Gantsevitch

Abstract. The article argues that the division of knowledge into humanities and sciences at the end of the eighteenth century in Europe, which was determined in part by advance in technology and Industrial Revolution, is in fact detrimental to social needs. The roots of dialectical materialism is shown as far back as ancient Greece and then up to the Age of Enlightenment and German Idealism. Also is shown

the inextricable connection between humanism and dialectical materialism which was originally aimed at overcoming the side effects of the Enlightenment with its repressive and exploitative elements, which makes dialectical materialism especially relevant today with all the high polarization around, especially in Eastern Europe.

Key words: dialectical materialism, ancient Greek philosophy, Enlightenment Marxism, humanism.

В первой же книге «Никомаховой этики» в рассуждениях Аристотеля о благе находим мысли о том, что цель искусства политики есть лучшая из всех [1, с. 10 – 42, *passim*], и что как государственные мужи (или исследователи политики) мы должны смотреть в глубь человеческой души [1, с. 39-40]. Как это контрастирует с нынешним пониманием политики, которая стала необыкновенно далека от гражданина! Конечно, сравнивать классическую полисную политику с политикой общества позднего капитализма не совсем корректно: не те масштабы, не тот исторический контекст. Но мысли Аристотеля еще показывают нам неразделенность гуманитарных и естественных наук: этические вопросы поставлены даже там, где ныне «естественным образом» *никакой этики быть не может*, но лишь доведенный до крайности просвещенческий принцип преодоления природы, *решения поставленной задачи*: будь то подсчет ВВП или «спецоперация» по «ликвидации боевиков»; технический язык проникает даже в вопросы жизни и смерти.

В конце XVIII в. под влиянием просвещенческой традиции и индустриальной революции происходит так называемый «развод» гуманитарных наук и естественных. Это явление невероятно важно. Поиск «правды», «красоты» и «блага» в традиции европейской мысли не был разделен на разные науки. Всем этим занималась философия. Теперь же философия превращалась в своего рода интеллектуальное упражнение, тогда как естественные науки могли заявить, что они занимаются «правдой», «настоящей жизнью» [3, с. 2-3]. Оставив «красоту» и «благо» «философам» и «гуманитариям», ученые из естественнонаучного лагеря таким образом сделали свою науку *ценностно нейтральной*. К чему это привело в дальнейшем, мы увидели во время Второй мировой войны, когда огромное количество ученых с готовностью проводили эксперименты на узниках концлагерей. До известной степени, именно такая позиция позволяет естественнонаучному лагерю и

*НОВАЯ НАУКА В НОВОМ МИРЕ:
ФИЛОСОФСКОЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ,
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ*

сегодня спокойно смотреть на поляризацию общества, эксплуатацию сверхбогатыми основной части населения планеты, неравное распределение благ и проч. Велик соблазн оправдать всё это некоей «правдой», да, неприятной, но неизбежной. Велик соблазн и у философов, гуманитариев, уходить мыслями в заоблачные высоты, игнорируя насущные проблемы. Иными словами, XX и XXI вв. доказали преступность «развода» гуманитарных наук с естественными. Общество просто начинает дезинтегрироваться.

Диалектический материализм родился в схожих условиях XIX в. Гегелевский метод как раз представлял собой доведенную до высшего мастерства абстрактную логику, в которой Карл Маркс увидел потенцию для анализа реальности, материальных условий существования. Можно сказать, диалектический материализм Маркса и Энгельса – это возвращение к истокам философской мысли, *которая подчеркивала важность общественной деятельности и преобразований*. Сам Маркс говорит, что поставил диалектику Гегеля с головы на ноги, освободил рациональные элементы в ней от мистической оболочки [2, с. 14-15].

Лучше и не скажешь. Начиная с 80-х годов XX в., мы наблюдаем планомерный отказ от диалектического материализма, особенно на территории бывшего СССР, что привело к погружению значительной части восточной Европы и Азии в архаичные авторитарные режимы, которые, с одной стороны, в стоворе с глобальным капиталом, эксплуатируют собственное население как дешевую рабочую силу, подвергая его невыносимым и безжалостным унижениям, уродуя психологию людей на многие поколения вперед, с другой – конструируют эклектичные мифологии, тем самым подрывая всякую возможность для таких обществ развиваться и быть стабильными, *ибо потеряна сама путеводная нить рационального знания*. Неудивительно, что на этих территориях мы наблюдаем постоянную стагнацию попеременно с хаосом. В центральной Европе «тучные» годы также сменяются кризисом, который никто не берется объяснить рационально, а лишь с позиции «мультикультурализма», то есть в полном отрыве от материальных условий бытия. Конечно, такое «объяснение» терпит неудачу, подрывает в населении веру в общественные институты.

XXI в. должен стать временем возвращения к гуманистической мысли. *Но гуманизм начинается через материализм*. Гуманизм есть улучшение материальных условий, прекращение гнета монополий, возможность рядовому

*НОВАЯ НАУКА В НОВОМ МИРЕ:
ФИЛОСОФСКОЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ,
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ*

работнику быть хозяином произведенного, не терять свой труд, не терять себя через отчуждение в интересах доминирующей экономической силы. Гуманизм есть *возможность прожить своей жизнью*, а не иллюзией такой жизни, созданной эксплуататором.

Список литературы

1. Aristotle, The Nicomachean Ethics translated by F. H. Peters, M.A. London: Kegan Paul, Trench, Truebner & CO., Ltd., 1906.
2. Marx, Karl. Capital: A Critique of Political Economy, Vol.1, Book One: The Process of Production of Capital. Moscow: Progress Publishers, 1965.
3. Wallerstein, Immanuel. World-Systems Analysis: An Introduction. Durham and London: Duke University Press, 2004.

**СЕКЦИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ГОСТИНИЧНОЙ ИНДУСТРИИ

Жемчугова Елизавета Андреевна

студент

Маркинова Елена Вячеславовна

старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Казанский национальный
исследовательский технологический университет»

Аннотация: В статье рассмотрено понятие и значение инновационных технологий, также определены инновационные направления в гостиничной индустрии. Были изучены основные факторы, которые сдерживают развитие инноваций в индустрии гостеприимства в России, а также определены основные перспективные инновационные форматы, которые способны повлиять на потенциал развития гостиничной индустрии в период сложной эпидемиологической ситуации.

Ключевые слова: гостиничный бизнес, инновационные технологии, современные тенденции в гостиничном бизнесе, тенденции в эпоху COVID-19.

INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN THE HOTEL INDUSTRY

Zhemchugova Elizaveta Andreevna

Markinova Elena Vyacheslavovna

Abstract: The article discusses the concept and significance of innovative technologies, and also identifies innovative areas in the hotel industry. The main factors that hinder the development of innovations in the hospitality industry in Russia were studied, as well as the main promising innovative formats that could affect the development potential of the hotel industry during a difficult epidemiological situation were identified.

Key words: hotel business, innovative technologies, current trends in the hotel business, trends in the era of COVID-19.

Гостиничный бизнес определяется специфичным отношением к изменениям, так как любое новшество отражается на деятельности

предприятия. Любые инновационные технологии внедряются в сферу гостеприимства. Сюда относят и ускоренный процесс обработки информации, и внедрение робототехники в процесс обслуживания.

Важно отметить и стремительное распространение коронавирусной инфекции, которая значительным образом отразилась на отрасли гостеприимства и туризма. Ввиду чего, многие гостиничные предприятия вынуждены внедрять новые гибкие решения. Инновационные форматы позволяют адаптироваться к современной реальности, где ключевыми задачами гостиничных предприятий являются возможность завоевать лояльность гостей, не нарушая правил новых реалий, оптимизация работы с минимальными потерями. Актуальность заключается в том, что в гостиничной сфере необходимо использовать новые инновационные форматы для восстановления отрасли в условиях COVID-19 и сохранения уже имеющегося потенциала. Инновации в гостиничной индустрии несомненно имеют место быть. Так как именно они определяют темп развития гостиничного предприятия. То, на каком этапе развития находится гостиничная организация, определяет его возможности, дальнейший путь совершенствования деятельности. В.С. Новиков определяет инновацию “в качестве явного фактора перемены, как результат деятельности, воплощенный в новый или усовершенствованный продукт, технологические процессы, новые услуги и новые подходы к удовлетворению потребностей” [7, с. 18].

В гостиничной индустрии подразделяют некоторые виды инноваций:

- инновации в структуре предприятия: управленческие, производственные, технологические;
- инновации на входе предприятия: замена сырья, материалов, оборудования и машин, а также информации;
- инновации на выходе предприятия: изделия, услуги, технологии и информация [2, с. 47].

Основные виды инноваций, которые применяются в сфере гостеприимства, определяют и направления инновационных технологий, которые можно охарактеризовать следующим образом:

- разработка и внедрение нетипичных видов ресторанного продукта, гостиничных услуг, которые отвечают потребностям потребителя;
- использование в гостиничных предприятиях современной инновационной техники и информационных технологий во время обслуживания гостей;

– применение передовых и нано-технологий и материалов при строительстве, эксплуатации и обслуживании гостиничных комплексов, а также, в последующем, способность замены того или иного материала на более современный;

– новаторские решения в управлении и маркетинге, в том числе, в рекламе и распространении информации о предприятии [6, с. 181].

Что касается развития и возможности внедрения инновационных технологий в России, то стоит обратить внимание на реализацию «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года», где основными приоритетами инновационного развития были выделены развитие человеческого капитала, рост инновационной активности производственных предприятий и внедрение инноваций в государственном секторе. «Ускорение технологического развития РФ и увеличение до 50% доли организаций, осуществляющих технологические инновации к 2024 г. [1]» - заявлена одной из главных национальных целей, ведущих к прорывному научно-технологическому развитию РФ. Это должно было позволить России стать одним из лидеров мировой экономики. Однако, согласно результатам завершающего этапа Стратегии инновационного развития РФ, стоит отметить отставание в ряде показателей, которые не были достигнуты. Например, в 2020 году доля предприятий промышленного производства, которые осуществляют разработку технологических инноваций, равна 10%, как и в 2011 году. Нельзя не обратить внимание и на низкую развитость венчурного рынка и невысокой инвестиционной активности. Это связано с затруднениями и недостатками законодательной базы в области инновационной деятельности. Всё это отражается и на развитии гостиничного бизнеса. Исходя из изучения реализации проекта, стоит отметить основные негативные факторы, которые сдерживают развитие инновационных технологий в сфере гостиничной индустрии. Из них целесообразно выделить следующее:

– нежелание руководства иметь высокие затраты на развитие и/или внедрение инновационных технологий ввиду желания получения высокой прибыли;

– отсутствие опыта в работе с теми или иными инновационными технологиями;

– длительный период окупаемости инвестиций, которые вложены в развитие инновационных технологий;

- отсутствие инвестирования, ресурсов;
- неразвитость законодательства в рамках инвестиционного обеспечения предприятия.

На развитие инновационных технологий в сфере гостеприимства в России оказала и эпидемиологическая ситуация COVID-19. И именно сейчас, как никогда, туристы озабочены своим здоровьем, который на сегодняшний день является основным фактором, определяющим некоторые современные тенденции. На сегодняшний день основными инновационными продуктами, которые применимы в гостиничной индустрии, являются:

- создание гипоаллергенных номеров: обусловлено тем, что в России, по данным Минздрава России, 20% населения страдают аллергическими заболеваниями. А к 2025 году, аналитики ВОЗ считают, что страдать от этого недуга будет уже 45-50% населения [9]. Данная возрастающая тенденция и обуславливает введение инновационных технологических решений работу гостиничного бизнеса;

- автоматизация регистрации: позволит снизить процент нежелательных пересечений постояльцев. Гости смогут держаться на безопасном расстоянии друг от друга, то есть без особой надобности клиенты могут пройти регистрацию. Гости могут получают доступ к своим номерам, используя смарт-устройства в качестве цифровых ключей, которые на сегодняшний день пользуются популярностью, особенно в крупных и сетевых гостиничных комплексах;

- кибер-безопасность: в век цифровизации и перехода к режиму «онлайн», тем более в период нестабильной эпидемиологической ситуации, возросла уязвимость в спектре сохранения данных от серьезных утечек: за последние годы увеличилось число кибератак (согласно отчету Check Point Research, за 2021 год число кибернападений за каждую неделю, в среднем, составило 1 153). Важно понимать, что гостиничное предприятие несет ответственность за сохранность персональных данных гостей в соответствии с 152 ФЗ РФ "О персональных данных". В связи с чем, и возрастает потребность в возможности защищать данные потребителей гостиничных услуг. Сейчас IT-отделы склонны использовать функцию двухэтапной проверки, проверять через специализированные сайты (например, HaveIBeenPwned.com) на фактор утечки данных, использовать для передачи информации стандарт шифрования TLS (Transport Layer Security) и т.п.;

– переход в облачные системы: позволяет сократить затраты на инфраструктуру и время на передачу информации, повысить гибкость организационных и операционных процессов. Предприятия гостеприимства могут использовать облачные системы как возможность индивидуализировать подход с персоналом (например, с помощью использования Cendyn или Revinate). Облачные сервисы также имеют особую устойчивость к кибератакам - компрометации учетных данных постояльцев, которая выражается в возможности полного или выборочного шифрования;

– интеллектуальное распознавание лиц: исследовательская компания Technavio спрогнозировало рост рынка технологий распознавания лиц в период с 2021 года по 2028 год на 15,4%. Это связано с увеличением случаев угроз, где идентификацией личности гостя являются «дополнительные» методы - входные карты и обходные ключи и т.п. Данная инновационная технология систематизируется скоростью работы персонала с гостями;

– виртуальная реальность: наиболее сильной современной тенденцией в гостиничной индустрии выступает именно виртуальная реальность, которая включает в себя чат-боты, виджеты и виртуальные туры. Развитие технологий позволяет максимально приблизить «картинку» съемок к реальности, то есть виртуальная реальность может воссоздать объект гостиничной индустрии полномерно. Посредством сервиса «виртуальная реальность» потенциальный потребитель не ограничивает себя «рамкой кадра», а имеет полную свободу и эффект присутствия. Технология VR как один из современных стандартов отелей также дает возможность забронировать номер сразу после его осмотра.

Таким образом, инновационные технологии в индустрии гостеприимства направлены на получение научно-технического, экономического, экологического и социального эффекта. Инновации, направленные на создание новых потребностей, достаточно редки, поскольку требуют наличия у гостиниц определенного творческого и инвестиционного потенциала. Виды инновационных технологий формируют потребность гостиничных предприятий, которые основаны на возникновении новых гостиничных услуг и способны продвинуть гостиничное предприятие. Виды гостиничных инноваций конструируют, формируют определенные экономические и управленческие механизмы, так как именно с их помощью определяется тип внедряемых инноваций.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». - Москва: СПС «КонсультантПлюс». – Текст непосредственный.
2. Агарков С.А. Инновационный менеджмент и государственная инновационная политика [Текст] : учебное пособие / С.А. Агарков, Е.С. Кузнецова, М.О. Грязнова. - Мурманск: Изд-во МГТУ, 2011. - 135 с. – Текст: непосредственный.
3. Иванова Е.В. Инновационные технологии в обслуживании номерного фонда гостиниц / Е.В. Иванова. – Текст непосредственный // В сборнике: Современная Россия в условиях модернизационных процессов: проблемы, реалии, перспективы. материалы. - 2013. - С. 178-186.
4. Калугина А.Н. Перспективы развития инновационных компьютерных технологий в гостиничной индустрии / А.Н. Калугина, Ю.В. Макшанова Ю.В., И.А. Рогова. – Текст непосредственный // Вестник университета. – 2018. – С. 33-36
5. Морозов Ю.П. Инновационный менеджмент: Innovation management: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности "Менеджмент" / Ю.П. Морозов, А.И. Гаврилов, А.Г. Городнов. - 2. изд., перераб. и доп. - М. : ЮНИТИ, 2018 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). - 471 с. – Текст: непосредственный.
6. Никольская Е.Ю. Инновации, технологии в гостиничной деятельности / Е.Ю. Никольская. – Текст непосредственный // Бюллетень науки и практики. - 2018. - Т. 4. № 10. - С. 351-359.
7. Новиков В.С. Инновации в туризме: учеб. пособие / В.С. Новиков. – М. : ИЦ «Академия», - 2017. – 208 с. – Текст: непосредственный.
8. Сокирская Н.В. Инновации в гостиничном и ресторанном бизнесе / Н.В. Сокирская, К.И. Павличук. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 21 (311). — С. 190-193. — URL: <https://moluch.ru/archive/311/70282/> (дата обращения: 02.01.2022).
9. Издательский дом Коммерсантъ, официальный сайт. – М., 2010-2021. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3313997> (Дата обращения: 10.01.2022 г.).

© Жемчугова Е.А. Маркинова Е.В., 2022

**ИССЛЕДОВАНИЕ УСПЕШНЫХ ПРАКТИК
В РАБОТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ**

Ермакова Виктория Сергеевна

магистрант

научный руководитель: **Кузнецов Максим Сергеевич**

к.э.н., доцент

Елабужский институт

«Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Аннотация: Современные образовательные организации направлены на то, чтобы у обучающихся сформировались общие и профессиональные компетенции, освоение которых даст возможность стать в будущем успешным и востребованным на рынке труда. На основании этого успешные практики образовательных учреждений делают образование достаточно эффективным. Ориентация на новые цели образования – компетенции – требует как преобразования содержания изучаемых дисциплин, и методов и форм организации образовательного процесса, так и активизации деятельности обучающихся в процессе занятий, приближения изучаемых тем к реальной жизнедеятельности, будущей профессии и поиск путей решения возникающих проблем.

Ключевые слова: образовательное учреждение, успешные практики образовательного учреждения, формирование ключевых компетенций, профессиональное образование, качество образовательного процесса.

**STUDY OF SUCCESSFUL PRACTICES
IN THE WORK OF AN EDUCATIONAL INSTITUTION**

Ermakova Victoria Sergeevna

Scientific adviser: **Kuznetsov Maxim Sergeevich**

Abstract: Modern educational organizations are aimed at ensuring that students develop general and professional competencies, the development of which will make it possible to become successful and in demand in the labor market in the

future. Based on this, the successful practices of educational institutions make education quite effective. Orientation to the new goals of education - competencies - requires both the transformation of the content of the studied disciplines, and the methods and forms of organization of the educational process, as well as the activation of students' activities in the course of classes, the approximation of the topics studied to real life, future profession and the search for ways to solve emerging problems.

Key words: educational institution, successful practices of an educational institution, the formation of key competencies, professional education, the quality of the educational process.

Благодаря разработке и исследованию успешных практик образовательного учреждения создается среда успешности коммуникационного процесса, характеризующаяся открытостью и взаимодействием участников, равенством их аргументов, накоплением совместных знаний, возможностью взаимной оценки и контроля [2, с.17].

Успешные практики образовательного профессионального учреждения используют такие эффективные технологии обучения, как составление кластеров – выделение смысловых единиц текста и их графическое оформление в определенном порядке, кейс-технологии как метод проблемного ситуационного анализа, основанного на обучении путем решения конкретных задач-ситуаций (кейсов), синквейн – краткое изложение (в пяти строках) обсуждаемого вопроса, метод «студент в роли преподавателя», который дает возможность выявить его уровень знаний и умение аналитически слушать другого, мозговой штурм как метод интерактивного обучения дает возможность студентам свободно и открыто высказывать разные идеи по поводу ситуации или проблемы, побуждая использовать воображение и творческий подход и пр.

Также и обычную лекцию можно провести с инновационным подходом, сделать её интересной и более продуктивной посредством интерактивных приемов с применением жизненных примеров, информационно-коммуникативных технологий и пр. [2, с.18].

Успешных практик применения образовательных технологий при организации образовательного процесса и реализации основных профессиональных образовательных программ в настоящее время достаточно

много. Можно представить следующие лучшие практики по 6 тематическим группам (рисунок) [3].

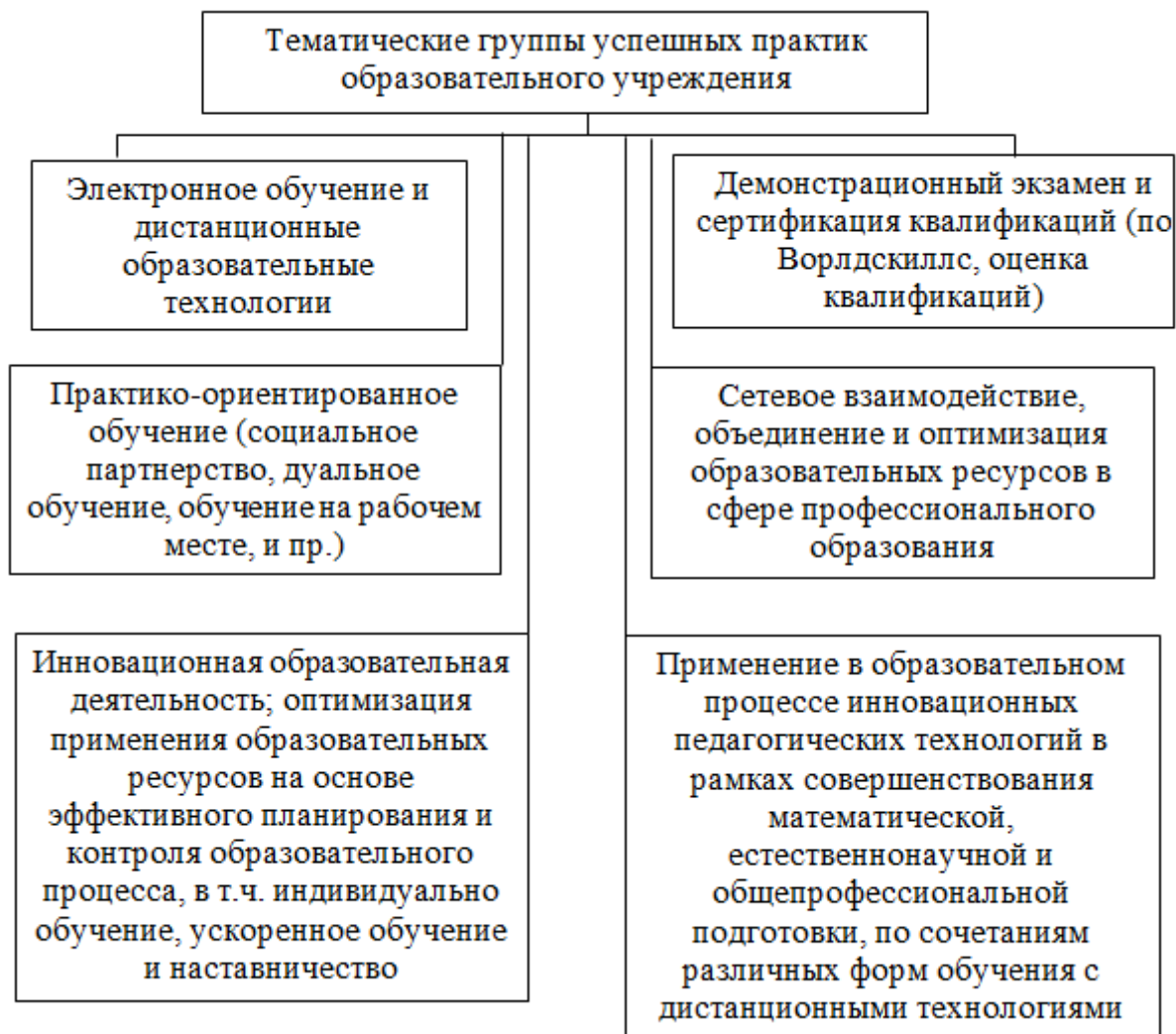

Рис. 1. Тематические группы успешных практик образовательного учреждения

Также исследование успешных практик образовательного учреждения показало, что активно применяется игровая деятельность, а именно педагогическая игра, которая обладает существенным признаком – наличием четко поставленной цели обучения и соответствующего ей педагогического результата, которые могут быть обоснованы, выделены в ясном виде и характеризуются учебно-познавательной направленностью.

Учебный процесс, опирающийся на использование опыта успешных практик образовательного учреждения, организуется с включенностью в

процесс познания всех групп обучающихся без исключения. Создание успешных практик образовательного учреждения осуществляется посредством совместной деятельности: каждый вносит свой особый индивидуальный вклад, идет обмен знаниями, идеями и способами деятельности [1, с.74].

Таким образом, применение опыта успешных практик образовательных учреждений дает возможность обучающимся быть активными и открытыми во взаимодействии, заинтересованными и креативными. Обеспечить качество подготовки компетентных специалистов возможно при использовании различных методов и приемов, применяемых в успешных практиках образовательного учреждения. Благодаря им преподаватель и студент постоянно взаимодействуют, выбирают формы поведения, сталкиваются друг с другом, мотивируют свои действия, аргументируют и доказывают их.

Список литературы

1. Бордовский, Г.А. Управление качеством образовательного процесса: Монография / Г.А. Бордовский, А.А. Нестеров, С.Ю. Трапицын. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. – 169 с.
2. Волков, В.Н. Тенденции развития инновационной инфраструктуры системы общего образования в России / В.Н. Волков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2020. – № 174. – С. 17 – 18.
3. Проект по актуализации ФГОС СПО (50 профессий и специальностей) за счёт оптимизации сроков освоения образовательных программ и интенсификации освоения их содержания, а также по информационному и экспертному сопровождению внедрения обновлённых ФГОС СПО в профессиональных образовательных организациях // <http://spone-new-fgos.firo-nir.ru/index.php/uspeshnye-praktiki/obzor-uspeshnykh-praktik> .

УДК: 379.857

ВНЕДРЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА МАРКЕТИНГА ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ КАМЧАТСКОГО КРАЯ)

Коваленко Ольга Григорьевна

студент

научный руководитель: **Хван Инна Сукиловна**

канд. экон. наук, доцент

РАНХиГС – Дальневосточный институт управления — филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Аннотация: Анализ стратегий субъектов Российской Федерации показал, что значительная часть стратегических документов разрабатывается по одному шаблону, при этом, во-первых, не в полной мере учитываются природно-климатические, социальные, экономические, экологические, этнические и иные особенности территорий, во-вторых, игнорируется как положительный, так и отрицательный опыт применения различных инструментов государственного стимулирования социально-экономического развития других стран.

Ключевые слова: туризм, туристические ресурсы, гостиничная индустрия, увеличение турпотока, логистика.

INTRODUCTION OF FOREIGN EXPERIENCE IN TERRITORY MARKETING (ON THE EXAMPLE OF THE KAMCHATKA TERRITORY)

Kovalenko Olga Grigorievna

Abstract: The analysis of the strategies of the constituent entities of the Russian Federation has shown that a significant part of the strategic documents are developed according to one template, while, firstly, the climatic, social, economic, ecological, ethnic and other features of the territories are not fully taken into account,

and secondly, both positive and negative experience of using various instruments of state stimulation of socio-economic development of other countries is ignored.

Key words: tourism, tourism resources, hotel industry, increase in tourist flow, logistics.

Исходным объектом анализа выбран Камчатский край в его исторически сложившихся границах с учетом конкретных социальных, экономических, национально-культурных, природно-климатических и других особенностей.

Уникальные природно-климатические условия, рельеф местности, водные ресурсы, вулканическая деятельность в совокупности с проводимой государственной политикой развития и создания национальных заповедников, парков обеспечивают приток туристов. Благодаря этому большая доля услуг приходится на туристический сектор, который к тому же на всех без исключения территориях оценивается как перспективный.

Туристический сектор в северных территориях имеет определенную специфику и представлен экологическим и экстремальным туризмом, альпинизмом, горнолыжными турбазами, спортивной рыбалкой и охотой, организацией морских круизов и наблюдений за дикими животными в естественной среде обитания, знакомством с бытом и традициями коренных народов севера. [1, с. 381].

С учетом отмеченных выше базовых признаков для проведения сравнительного анализа была выбрана страна Исландия.

Для того чтобы применить опыт правительства Исландии в сфере туризма Камчатского края, необходимо ближе ознакомиться со спецификой этой страны, так как он ближе всего подходит по географическим, климатическим и экономическим условиям.

Турпоток Исландии огромен, с 2010 года по 2018 год он вырос до 2,3 млн человек и превысил количество населения в 6 раз. . Камчатский край в 2018 году посетили 215,5 тыс. туристов, из которых более 25 тыс. - иностранцы. (Рис.1)

Рис. 1. Сравнительная диаграмма турпотока Камчатского края и Исландии на 2018 год

Благодаря развитию туристической сферы в Исландии было создано почти 12 тыс. рабочих мест. Это более половины новых рабочих мест, сформированных в эти годы по всем направлениям экономики. Сейчас в стране работает около 140 отелей, более 50 из которых расположены в столице. Гостиничная индустрия включает в себя смесь исландских гостиничных сетей и независимых отелей и хостелов, а также ограниченное число глобальных брендов, управляемых исландскими операторами по лицензии. (Рис.2)

Рис. 2. Сравнительная диаграмма количества рабочих в сфере туризма в Исландии и Камчатском крае на 2018 год

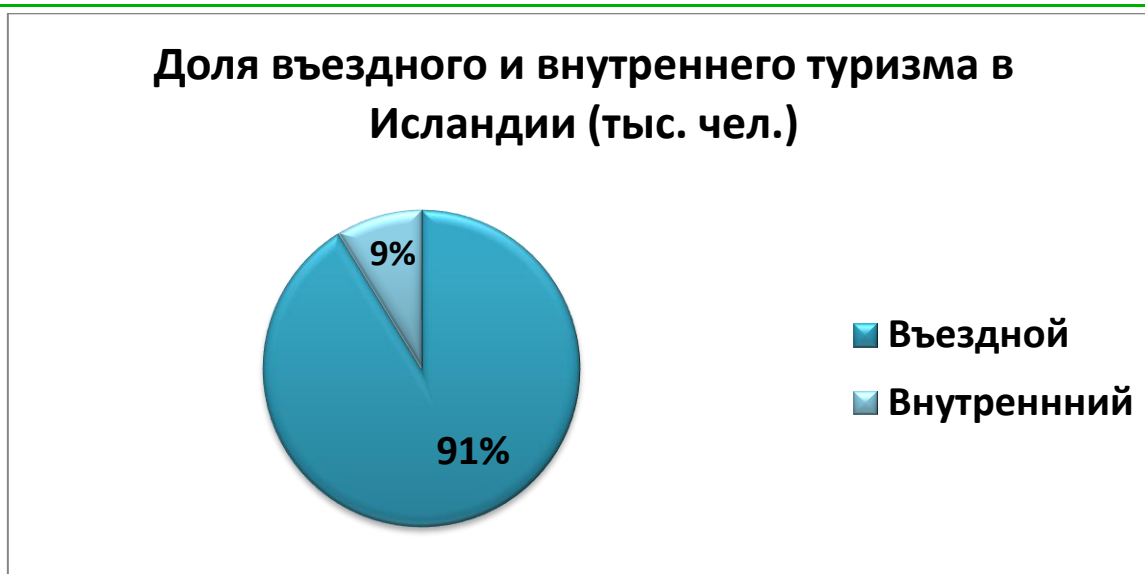
В свою очередь, на Камчатке зарегистрированы 134 единицы коллективных средств размещения, в которых организованы 6175 койко-мест, в отрасли занято около 6 тысяч человек. На рынке туристских услуг края сегодня работают 69 туроператоров и 208 компаний-агентов. В ближайшие три года на Камчатке планируется дополнительно создать более 500 номеров в коллективных средствах размещения. Камчатка обладает колоссальным туристическим потенциалом. Но он до сих пор не раскрыт. [2, с. 64].

На диаграмме видна существенная разница в развитии регионов. Если Исландия смогла реализовать свой рекреационный потенциал и привлечь туристов, то Камчатский край только начинает свой путь по наращиванию туристического потенциала региона. (Рис.3)

Численность населения в Исландии составляет 335 тыс. человек, на Камчатке - 315 тыс. человек. Исландию, как и Камчатку, называют страной льда и пламени. Основной причиной посещения туристами Исландии является уникальная природа. Такую причину, по данным местных компаний, называют 83% иностранных туристов. В 2008-2016 годах Исландию посетило туристов больше, чем за предыдущие 60 лет. (Рис.4)

Рис. 3. Анализ долей въездного и внутреннего туризма Камчатского края

**Рис. 4. Сравнительная диаграмма долей
въездного и внутреннего туризма Исландии**

На этих диаграммах четко видно, что ситуация в сфере туризма у Исландии и Камчатского края диаметрально противоположна. Доля внутреннего туризма Камчатского края практически равна доле въездного в Исландии и составляет более 80%. Это говорит о неразвитости въездного туризма Камчатского края и недостаточной развитости туристской инфраструктуры региона. (Рис.5)

Наибольший прирост туристов в Исландию обеспечивают туристы из США (более 576 тыс.) Соединенного Королевства (503 тыс.). Общий турпоток из этих двух государств составил около 41% от общего количества посетивших Исландию путешественников. Доля гостей из Центральной и Южной Европы увеличилась на 21,8%, с 356 тыс. до 434 тыс. человек. Увеличивается интерес туристов из Китая, хотя они пока составляют 3,9% от общего числа туристов. Посещают Исландию российские граждане. В прошлом году в страну приехало 14 тыс. россиян. (Рис.5)

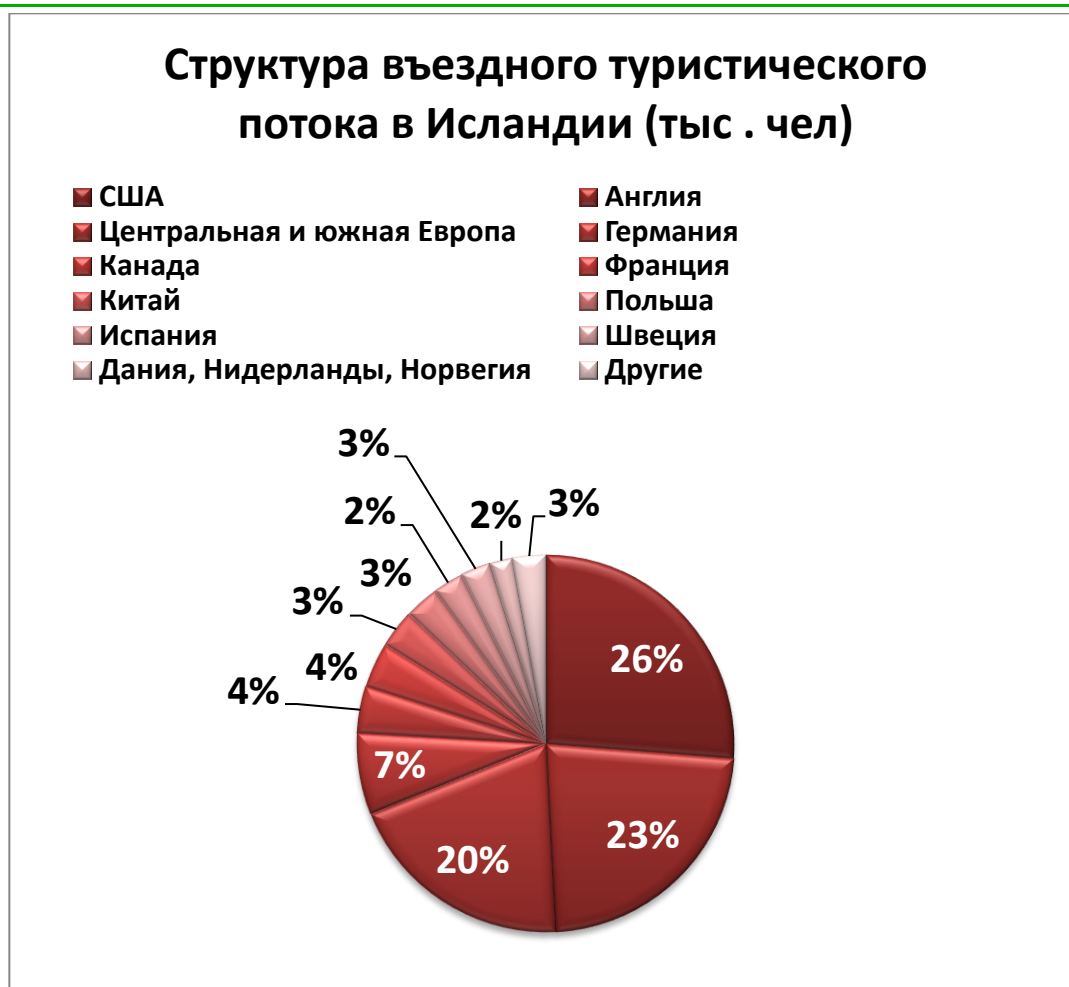

Рис. 5. Структура въездного турпотока в Исландии

Туристической популярности способствовал ряд факторов: извержение вулкана Эйяфьядлайекю в 2010 году (и снова после менее разрушительного извержения 2011 года из Гримсвотн), съемки фильмов, интерес телевидения, рост социальных медиа и успешных маркетинговых кампаний. [1, с.259-261].

По оценкам исландской консалтинговой компании «Гамма» (Gamma), более 95 процентов туристов говорят о том, что их ожидания о поездке оправдались, а более 80 процентов сообщают о вероятности повторного визита в страну. Ученые из университета Исландии создали интерактивную карту, на которой указано, где живут сказочные существа — эльфы, тролли, призраки, монстры. Материалы собирались в течение пятнадцати лет, в ходе исследования были проанализированы десятки тысяч легенд. И это не просто информация для туристов.

Так, в 2004 году компания Alcoa для строительства завода должна была получить справку, что на данном участке земли не живут эльфы. В 2013 году Верховный суд Исландии запретил строить трассу к резиденции президента через земли, где живут эльфы.

К героям традиционных сказок исландцы испытывают огромное уважение: 10% даже верят в их существование. Считается, что они помогли привлечь туристов и преодолеть экономический кризис. В 2008 году разорились три крупнейших банка Исландии, крона упала к доллару в два раза. Но с тех пор туризм волшебным образом вырос до 28% ВВП. Каждый год число туристов увеличивается более чем на треть.

Камчатский край, один из самых своеобразных и интересных в мире, не только не уступает, а зачастую превосходит эту европейскую страну. Наибольший интерес к Камчатке проявляют туристы из США, Китая, Германии, Австралии и Японии. Значительное число туристов пребывает из Республики Корея, а также из Филиппин, Великобритании, Канады, Франции, Швейцарии. В этом году планируется 18 заходов круизных лайнеров в порт Петропавловска.

Интерес к туризму в Исландии привел к старту новых проектов в сфере логистики (авиаперевозок, проката машин), проживания, экскурсионного дела и сфере развлечений. Запускаются проекты государственно-частного партнерства по модернизации и развитию дорожной сети, аэропортов и других элементов базовой инфраструктуры. Увеличилось число авиакомпаний, организующих авиаперевозки в Исландию, с восьми в 2005 году до 29 в 2018 году за счет переориентации аэропорта в транспортный хаб между Европой и Северной Америкой. Все эти наработки могут быть актуальными для Камчатского края с учетом специфики Дальнего Востока.

Для того, чтобы туристам было комфортно, чтобы они хотели приезжать вновь в регион, нужны комфортабельные гостиницы, понятная и удобная логистика. Работа в этом направлении идет. Был открыт обновленный пассажирский терминал аэропорта Петропавловск-Камчатский. Появляются новые гостиницы, запускаются проекты в туристической сфере. Но нужны дополнительные усилия для стимулирования отрасли.

У двух регионов много общих целей и есть общие проблемные аспекты. Это, например, сезонность бизнеса, нехватка гостиничного фонда, поддержание инфраструктуры в сложных климатических условиях.

Целесообразно применять наработанные решения, которые обкатывались годами. Тот приток туристов в Исландию, который наблюдается в последние годы, свидетельствует о том, решения в туристической отрасли были успешными. Этот опыт можно и нужно использовать.

В данном контексте проведенный сравнительный анализ территорий, близких по географическим, геологическим, природно-климатическим и другим существенным признакам, позволяет расставить акценты в решении проблем развития Камчатского края исходя их опыта Исландии.

Это дает возможность поднять качественный уровень стратегического планирования, обосновать приоритетные направления привлечения инвестиционных и кадровых ресурсов, существенно повысив эффективность региональных стратегий развития.

Поэтому необходимо инициировать инвестиционный проект на данной территории, который повысит турпоток региона и выведет сферу туризма Камчатки на новый уровень.

Список литературы

1. Боровских, Н.В. Сущность и концепция территориального маркетинга / Н.В. Боровских. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2016. — № 13 (117). — С. 380-383.
2. Симавонян А.А., Продвижение и маркетинг туризма // Научно-практический журнал “Управление и экономика в XXI веке”. - 2015.- № 2.- С.63-65.
3. Агаларова Е.Г. Маркетинг как инструмент повышения туристической привлекательности территории // Молодой ученый. — 2017. — №11. — С. 259-262.

**ПРОТИВ ДУАЛИЗМА ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ:
АРГУМЕНТ ОТ РАСОВЫХ ЭКОНОМИК**

Суркова Анна Владимировна
студент

Маркова Мария Вадимовна
студент

Карташова Мария Владимировна
студент

Ульяновский государственный Технический университет

Аннотация: Общее объяснение недавних политических потрясений состоит в том, что "культурная политика идентичности" давно затмила "класс" и экономику, и через Брексит и Трампа рабочий класс отомстил за то, что его так игнорировали. Противопоставление класса идентичности не ново. Столкнувшись с этим последним подъемом, феминистки и антирасисты вновь подтвердили необходимость межсекторального анализа, который настаивает "на несводимом смешении расы, класса, пола, сексуальности и религии".

С учетом этих уроков мы излагаем антидуалистический подход, который понимает экономику как вредную теоретическую объективацию определенных практик и ресурсов, которая укрепляет и натурализует расовые, классовые и гендерные отношения доминирования. Мы полагаем, что он систематически недооценивает и игнорирует труд определенных групп и использует концепцию соизмеримой "общественной ценности", основанную на расово исключительных представлениях общности. Опираясь на теорию общественного воспроизводства, мы предлагаем, как мы могли бы построить лучшее, антигегемонистское понимание экономики. Мы сосредотачиваемся на пересечении расы и класса, потому что эта тема и работа над ней критических расовых теоретиков заслуживают более широкого внимания; аналогичные выводы можно было бы сделать, сосредоточив внимание на классе и поле.

Ключевые слова: Культура, Эконом, политика идентичности, перспективный дуализм, гонка, расовый капитализм, теория общественного воспроизводства.

Перспективный дуализм

Для Фрейзера экономическое перераспределение и культурное признание являются различными измерениями справедливости и ее перспективами. Она стремится ориентироваться между крайностями "деконструктивного антидуализма" (далее 'антидуализм') и 'субстанционального дуализма". Антидуализм рассматривает экономику и культуру как со-конститутивные, и Фрейзер : 60) беспокоится, что это делает какие-либо значимое разделение экономики и культуры невозможно. Понимая всю несправедливость как обязательно культурную и экономическую, она считает, что это сводит различные систематические несправедливости в одну аккуратную и обязательно единую систему. Например, называя борьбу против сексистских социальных структур "экономической", мы рискуем упрощенно разрушить любую разницу между патриархатом и капитализмом и предполагаем, что удары по патриархату обязательно являются ударами по капитализму.

Перспективный дуализм оценивает относительную важность социально-теоретических категорий экономики и культуры для объяснения несправедливости. Несмотря на благотворительность, эта интерпретация делает перспективный дуализм на большой шаг ближе к антидуализму, понимая его так, чтобы рассматривать *каждый* несправедливость как одновременно культурная и экономическая, хотя и в разной степени. Две особенности удерживают теорию от развала в антидуализм: образы спектра экономики и культуры Фрейзер и ее понимание экономических и культурных социальных порядков как относительно автономных и аналитически различных. Используя два примера Фрейзера, считаем, что мы должны отвергнуть эти особенности и принять антидуализм.

Против спектра экономика–культура

В первом примере квалифицированный промышленный рабочий белого пола становится безработным, когда его фабрика закрывается. Фрейзер пишет, что эта несправедливость распределения имеет мало общего с неправильным пониманием: "это скорее следствие императивов, присущих порядку специализированных экономических отношений, смыслом существования которых является накопление прибыли. Чтобы справиться с такими случаями, теория справедливости должна выйти за рамки моделей культурных ценностей и изучить структуру капитализма" (2003: 34). Несправедливость нашего белого рабочего тесно связана с экономическим концом спектра Фрейзера; его

изображают страдающим как чистый случай экономической несправедливости, насколько это возможно, учитывая, что все несправедливости имеют какой-то двойной аспект.

Поэтому мы должны отвергнуть спектр экономики и культуры Фрейзера. Не существует расово-нейтральной классовой несправедливости, средство от которой подходит белым рабочим так же идеально, как и цветным. Игнорирование этого увековечивает методологическую белизну, поскольку статус-кво возвращается к белому опыту как универсальному. Как бы мы ни старались найти дело как можно ближе к "экономическому" концу спектра, расовое признание остается важным, возвращая нас к подходу, при котором культурное признание важно формирует все экономические несправедливости.

Недуалистическое предложение

Ключом к дуализму экономики и культуры является предположение о том, что категории экономики и культуры делят социальное на два взаимоисключающих вида. Однако отказ от этого дуализма не должен принуждать нас к монизму – нам не нужно думать, что понятия взаимозаменяемы или что они переходят друг в друга.

В своей попытке теоретизировать пол, расу и класс вместе, Камфилд отвергает акцент на понимании экономики с точки зрения здравого смысла в пользу акцента на "социальных отношениях, участвующих в процессах производства средств человеческой жизни". Основываясь на этом, точно так же, как теоретики общественного воспроизводства предлагают контргегемонистское понимание труда, мы могли бы также предложить контргегемонистское понимание экономики: одушевленное расширенной концепцией труда как практики, имеющей значение для производства, воспроизводства, распределения и потребления средств жизни, которая понимает общественную ценность ресурсов как вытекающую из их способности поддерживать жизнь и которая представляет рассматриваемую общественность через воображаемое сообщество, свободное от расовых исключений.

Вместо того, чтобы просто "добавлять" сектора здесь и там, такое понимание требует фундаментального переосмысления логики, с помощью которой мы рисуем "экономику" – какие практики считаются значимыми, а какие ресурсы считаются ценными/неценными для какой общественности и почему. Отвергая понятие жизни, служащей финансовой ценности, он

сосредотачивает призыв Бхаттачарьи (2018: 52-53) поставить экономику на службу жизни. Он призывает к антирасистскому, феминистскому и социалистическому переосмыслению трудовых и общественных ценностей и признает необходимость их увязки с одновременным переосмыслением категории человека.

Вывод

Нам срочно нужен межсекторальный анализ, который настаивает на несводимом смешении расы, класса и пола; с усилением неравенства и появлением переломов по явно расовым признакам нам не хватает роскоши репетировать еще одно десятилетие дебатов об идентичности и классе. Как следует из работы Дина, современные итерации этих дебатов по-прежнему опираются на дуализм экономики и культуры, который демонстрирует методологическую белизну и борьбу за анализ пересечений расы и класса.

Вместо этих дуализмов мы предложили анализ экономики как вредной идеологической объективации определенных практик, отобранных за их предполагаемую важность для производства, распределения и потребления ресурсов соизмеримой общественной ценности. Мы считаем, что "экономика" выполняет вредную социальную теоретическую работу, укрепляя и натурализуя расовые, классовые и гендерные отношения доминирования. Эта экономика в значительной степени структурирована как культурными концепциями, значениями и пониманием, так и материальными и нематериальными ресурсами и распределениями. В заключение мы предположили, что теория социального воспроизводства может помочь разрешить споры о классовой принадлежности и идентичности, и использовали идеи этого теоретического течения для формирования контргегемонистского понимания экономики, которое, среди прочего, призывает нас должным образом признавать жизнь и труд цветных людей.

Список литературы

1. Аленин, П. Г. Институциональная экономика / П.Г. Аленин. - М.: Бибком, 2020. - 139 с.
2. Бренделева, Е. А. Институциональная экономика / Е.А. Бренделева. - М.: КноРус, 2017. - 516 с.

© Суркова А.В., Маркова М.В.,Карташова М.В., 2022

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

СИСТЕМОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Балакшин Александр Сергеевич

профессор кафедры философии и социально-правовых наук
д-р филос. наук, профессор

Владимиров Александр Анатольевич

заведующий кафедрой философии и социально-правовых наук
д-р филос. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Волжский государственный университет водного транспорта»

Аннотация: в статье рассматривается сущность, структура, компоненты системологии как учения о системе, а также исследуется системология культуры, которая разворачивается здесь многомерно и диалектично.

Ключевые слова: системология, культура, состав, структура, компоненты, таксоны, мировоззрение, объективность, субъективность, человек, общество, сознание, самосознание.

Системология - учение о системе данного объекта. Такая необходимость возникает в связи с методологическим принципом системности, который обладает универсальным характером, ибо любой объект исследования сам имманентно системен в том или ином отношении, а значит, отображающая его теория должна быть системно построена. Реализацию этого исследовательского принципа мы находим, например, у К. Маркса в его «Капитале», который системно построен. Реализовать этот принцип при построении системы эстетики как науки удалось профессору Л.А. Зеленову [1]. Системология следует и из самой сущности теории, в частности и метатеории, ибо теория уже по Гегелю - это достоверное (истинное) системное знание. К сожалению, это редко осознается многими учеными при исследовании ими любого объекта (управление, образование, этика, мораль, право, политика, государство, наука, искусство и т.д.). Мы имеем в виду самое первичное понимание системности: а) выявление компонентов системы как ее состава (в теории это проблемы, разделы, понятия, законы) и б) выявление структуры системы как отношений компонентов. Вместо такого решения структурно-компонентной проблемы, выявляющей логику построения системы теории, обычно идут по легкому

эмпирическому пути: Называют разделы, темы, главы, параграфы, т.е. суммарно-арифметический порядок изложения теоретического материала. Иногда такое правило изложения, давно раскритикованное Гегелем, объясняют ложной установкой на принцип «открытости» (незавершенности) любой системы, забывая, что любая система (материальная и идеальная, объективная и субъективная) является диалектическим единством открытости и закрытости, что видно на примере «Капитала» Маркса или периодической системы Менделеева. Закрытость любой системы состоит в том, что она включает в свой состав только гомогенные (однородные) и идентичные ей компоненты: людей в демографической системе, а не вещи, знаки и т.д.; искусства в художественной системе, а не научные, практические, экологические и т.д. образования; химические элементы в периодической системе, а не соли, щелочи или кислоты и т.п. Это единое (гомогенное и идентичное) основание часто нарушается, поэтому система и не выстраивается: выделяют в системе общества «мужчин, женщин, детей, пенсионеров, инвалидов, учащихся, мигрантов...», в социуме - «материальную, духовную и социальную деятельность», в обществе - «экономические, политические, духовные, социальные отношения» и т.п.

Открытость любой системы состоит в том, что она может в любое время включать в свой состав новые компоненты, но гомогенного и идентичного характера: новых людей, новые химические элементы, новые отношения, новые виды искусства и т.д. Признак закрытости фиксирует стабильность, устойчивость системы, а признак открытости - ее мобильность, изменчивость, что и позволяет говорить об «устойчивой изменчивости» или об «изменчивой устойчивости» любой системы, т.е. о ее диалектической природе. Это доказывается опять-таки «Капиталом» Маркса и периодической системой Менделеева. И наоборот: стремление Гегеля превратить свою систему в закрытую, завершённую доказывает нежизнеспособность метафизического понимания системы.

Систему мы понимаем как структурированный состав, как единство состава и структуры. Состав - это совокупность гомогенных и идентичных компонентов системы, а структура - это совокупность гомогенных и идентичных отношений компонентов. При этом отношения мы рассматриваем как единство связей и отграниченностей компонентов, что выражает их сходство и различие. Все сказанное выше о закрытости и открытости системы с

*НОВАЯ НАУКА В НОВОМ МИРЕ:
ФИЛОСОФСКОЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ,
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ*

точки зрения состава ее компонентов относится и к структуре системы, т.е. закрытости и открытости ее отношений (связей и отграниченностей).

Объектом системологии культуры является сама культура, но в системном отношении она разворачивается многомерно как культурная сфера, культурная деятельность, культурные отношения, культурные институты, культурные потребности, культурные способности, культурные ценности, типы и виды культуры и т.д. Все это многомерное разнообразие объединяется гомогенным и идентичным принципом, который выражается термином «культура». Даже негативные явления общества, обозначаемые терминами «антикультура», «псевдокультура», «квазикультура» или антиценностными терминами «зло», «безобразное», «преступность», «терроризм», «антигуманизм», «несправедливость», «болезнь», «вражда» и т.д., тоже должны войти в состав системологии культурного анализа, т.е. не в саму культуру, а в содержание культурологии как науки. Это объясняется, во-первых, тем, что в некоторых терминах в явном виде представлен и термин «культура» (например, «антикультура», «субкультура», «псевдокультура» и т.п.), во-вторых, тем, что многие негативные явления и их термины нужны и значимы как содержательные оппозиции позитивных явлений и их терминов: зло - добро, безобразное - прекрасное, болезнь - здоровье, ложь - истина, несправедливость - справедливость, вражда - дружба и т.д. Более того, системный диалектический анализ позволяет выявить культурологические триады: «вражда, дружба, толерантность», «национализм - патриотизм - космополитизм», «мизантропия - гуманизм - филантропия», «антиценность - ценность - безразличие» и т.д. В центре, в середине оказывается диалектическое единство метафизических крайностей. А это обогащает культурологический анализ, освобождая его от крайностей позитивного (только культура, ценности) и негативного (только антикультура) характера. Принцип системности как диалектический к этому обязывает.

Абстрактное использование термина «культура» хорошо в лингвистическом или публицистическом употреблении для краткости обозначения объекта разговора или обозначения: культура личности, культура города, культура общества, культура обслуживания, культура труда, культура речи и т.д. и т.п. Везде данный термин нужен для спецификации объекта: не наука, не искусство, не экономика, не религия, не техника, не вражда и т.п., а культура. Но в дальнейшем, т.е. содержательном отношении, необходимы

постоянные уточнения, конкретизации и их может быть очень много: «культура личности», т.е. культурные потребности, культурные интересы, культурные способности, культурные отношения, культурная деятельность, культурное потребление и т.д. личности; «культура труда», т.е. культурная деятельность, культурные приемы, культурные отношения, культурные продукты труда и т.д.

Необходимо уходить от этого эмпирического многообразия, которое только по видимости уточняет, конкретизирует, а на самом деле затуманивает сущность объекта, потому что «конкретное потому конкретно, что оно есть единство многообразных определений» (К. Маркс). Исходя из диалектического принципа единства в многообразии, необходимо находить то единое, которое интегрирует многообразие характеристик, признаков. Например, культурное производство, тиражирование, использование, потребление, репродуцирование, восприятие, распределение и т.д. схватываются одним общим понятием «культурная деятельность». Например, культурные интересы, желания, запросы, ориентации, цели, убеждения, планы, программы, влечения, установки, стремления и т.д. схватываются одним общим понятием «культурная потребность». Например, культурные методики, приемы, способы, навыки, автоматизмы, методы, операции и т.д. схватываются одним общим понятием «культурные способности». И так далее: логическая операция обобщения, подведение единичного под общее по гомогенно-идентичному основанию.

Такой предварительный логический процесс позволяет нам выделить по крайней мере некоторые обобщающие таксоны культуры, которые содержательно и структурно могут быть представлены на четырёх уровнях существования: 1. Культурная сфера. 2. Субъектные основания сферы. 3. Функциональные основания сферы. 4. Производные основания сферы.

Список литературы

1. Зеленов, Л.А. Собрание сочинений : [в 4 т.] / Лев Александрович Зеленов ; Нижегородский гос. архитектурно-строит. ун-т, Общероссийская акад. человековедения, Нижегородский филос. клуб. - Нижний Новгород : Издатель Гладкова, 2006. - 20 см. Т. 4: Эстетика. - 2006. - 249 с.

РОМАН-ЭПОПЕЯ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «КРАСНОЕ КОЛЕСО» КАК МОДЕРНИСТСКИЙ РОМАН: КУЛЬТУРФИЛОСОФСКАЯ ОЦЕНКА

Макарчук Иван Юрьевич

К.Ю.Н.

ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

Аннотация: В 1993 году в ежемесячном журнале художественной литературы и общественной мысли (раздел «Из редакционной почты») вышла статья российского филолога, специалиста в области истории русского языка, литературы и культуры В.М. Живова, посвященная роману-эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо». Одним из положений указанной статьи является квалификация рассматриваемого произведения в качестве модернистского романа. В настоящей работе дается культурфилософская оценка такой квалификации, делается авторский вывод о ее правомерности.

Ключевые слова: А.И. Солженицын, роман-эпопея, «Красное Колесо», культурфилософия, модернистский роман.

В настоящее время усиливается отечественный [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7] и зарубежный [8; 9; 10; 11; 12; 13] исследовательский интерес к заглавному произведению выдающегося русского писателя А.И. Солженицына – роману-эпопее «Красное Колесо». Данное произведение является историческим повествованием, состоящим из десяти томов и насчитывающим в русском издании более шести тысяч страниц. Сказать, что этот труд основан на огромном материале, - значит не сказать ничего. Большую часть материала он преобразовывал в отчетливо литературную форму [14, с. 616].

В. Живов справедливо отмечает, что: «Судьбы всех подобных грандиозных литературных предприятий обычно не очень ясны современникам, мало зависят от достоинств или недостатков отдельных фрагментов и определяются через несколько поколений, когда роман либо не входит, либо входит в общее культурное сознание, создавая в нем законченное восприятие эпохи и характеров» [15, с. 247]. Полагаем, что сейчас в условиях общенационального духовно-культурного кризиса настало время по достоинству оценить «Красное Колесо», поскольку произведение содержит не

только ретроспективное исследование и оценку проблем российской истории, приводивших к страшным и непоправимым сюжетам, но и потенциал для перспективной оценки наших возможностей, культурно-национального потенциала и отыскания оптимальных путей развития.

В анализируемой статье «Красное Колесо» определяется в качестве постмодернистского романа, поскольку в понимании В. Живова первый является «странным, трудным для восприятия, обманывающим читателя ложными сходствами, как и вся продукция постмодернизма». В качестве аргументов за данный подход приводится «повествовательная неоднородность романа», который состоит из беллетристических глав, глав документально-исторических, отдельных исторических документов, выписок из газет («газетный монтаж», «газетные обзоры»), киноэкранных глав и пословиц. На основании этого разнообразия художественных подходов исследователь делает вывод о том, что все это не свидетельствует в пользу «традиционного реалистического повествования и безусловно ставит читателя в положение постмодернистского угадывателя». При этом композиционная постмодернистская сложность «Красного Колеса» объясняется тем, что последнее «подскакивает, скрежещет и несется к огненной катастрофе. Историческая эволюция сметена исторической трагедией. <...> Смысл трагедии не излагается голосом стоящего за сценой автора <...> Он вырастает из многоголосья, из нагромождения несоизмеримых пластов, проявляется иррационально и не поддается пересказу» [15, с. 248-249]. Здесь В. Живова поддерживает западный исследователь творчества писателя, указывая, что «...Солженицын научился применять модернистские средства ради достижения антимодернистских целей» [16, с. 263].

Здесь уместно упомянуть высказывания самого А.И. Солженицына о сущности и содержательных особенностях модернизма в литературе, транслированные им при произнесении ответного слова на присуждении литературной награды Американского Национального Клуба Искусств: «Тогда это ворвалось к нам под трубами и пёстрыми флагами «футуризма», сегодня применяется термин «постмодернизм». (Какой бы смысл ни вкладывали в этот термин, но сам состав слова несообразен: как бы претендует выразить, что человек может ощущать и мыслить *после* той современности, в которой ему отведено жить.)

Для постмодерниста мир не содержит реальных ценностей. Даже есть выражение «мир как текст» — как вторичное, как текст произведения, создаваемого автором, и наибольший интерес — это сам автор в соотнесении со своим произведением, его рефлексия.

Культура должна замкнуться сама на себя (оттого эти произведения переполнены реминисценциями, и до безвкусыя), и только она и есть стоящая реальность. Оттого повышенное значение приобретает игра — но не моцартианская игра радостно-переполненной Вселенной — а натужная игра на пустотах, и у художника нет ответственности ни перед кем в этих играх. Отказ от каких-либо идеалов рассматривается как доблесть. И в этом добровольном самозаморочивании «постмодернизм» представляется себе увенчанием всей предыдущей культуры, её замыкающим звеном» [17, с. 387-388].

Полагаем, что «Красное Колесо» неправомерно относить к какому-либо виду романа в рамках литературных направлений, поскольку данное произведение «построено на постоянном перемежении смысловых, психологических, жанровых, синтаксических и языковых оттенков. Патетика, аналитическая документалистика, романый язык, перекрёстные углы зрения, резкая смена видовых точек, ритмизированная проза, черный юмор, сарказм, ирония» [18, с. 290]. Более того, «Истинная содержательная сущность этого произведения – изображение онтологической катастрофы, во время которой сложнейшее переплетение разнонаправленных волей и намерений огромного числа людей сочетается с действием промысла, проявляющимся через мнимо случайные события и символически значимые детали». Критикует квалификацию романа в качестве модернистского и П.Е. Спиваковский, отмечая, что «не постмодернистская свобода в игре, которую приписывает Солженицыну Виктор Живов <...>, но познание соотнесенности в бытии Человеческой свободы и Промысла» [19, с. 32, 67].

Таким образом, считаем более верным утверждение В.Г. Краснова о том, что «если великое искусство требует какого-то названия, то творчество Солженицына вполне можно назвать ДУХОВНЫМ РЕАЛИЗМОМ. Существительное «реализм» подразумевает правдивое описание всего физического, видимого, осязаемого, измеримого, рационального и материального, что окружает художника. Прилагательное «духовный» включает всё, что имеет отношение к духовной сфере – метафизическому, религиозному, невидимому, неосязаемому, эзотерическому и, может быть,

иррациональному. Реалистическое искусство отражает всё актуальное, социальное, изменяемое и временное; духовное искусство видит во всём - постоянное, общечеловеческое, неизменное и вечное» [20, с. 191].

Список литературы

1. Гуськов В. В. Кто раскрутил Красное Колесо? 2010.
2. Немзер А. «Красное Колесо» Александра Солженицына. Опыт прочтения. – Litres, 2020.
3. Немзер А. «Красное Колесо» Александра Солженицына. Опыт прочтения. – Litres, 2020.
4. Спиваковский П.Е. Символические образы в эпопее АИ Солженицына " «Красное Колесо» // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. – 2003. – Т. 62. – №. 1.
5. «Красное колесо» А.И. Солженицына: художественный мир, поэтика, культурный контекст: Международный сборник научных трудов. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2005.
6. Гуськов В.В. Система персонажей исторической эпопеи АИ Солженицына «Красное колесо» как форма воплощения эстетических принципов и мировоззренческих позиций автора: дисс.... канд. филол. наук. – 2006.
7. Урманов А.В. Сфера идей эпопеи «Красное колесо» // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. – 2002. – Вып. 6. – 2002.
8. Purcell B. Philosophical and Theological Historiography in Aleksandr Solzhenitsyn's The Red Wheel // Claritas: Journal of Dialogue and Culture. – 2014. – Т. 3. – №. 1.
9. Mahoney D.J. Solzhenitsyn's Red Wheel // First Things. – 2015. – №. 253. – P. 41.
10. Sidor M. The Truth of the Literary Past: (on the Issue of the Narrative Peculiarity in A. Solzhenitsyn's Epic «The Red Wheel») // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2015. – Vol. 8. – № 7. – P. 1436-1442.

11. Tempest R. Twilight of All the Russias: The Red Wheel as Literary Historiography // Russian Literature. – 2018. – Т. 100. – P. 13-58.
12. Nizhnikov S. A. «The red wheel» by AI Solzhenitsyn in the context of modernity // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. – 2012. – №. 1. – P. 97-106.
13. Yenor S. Two Regimes without Civic Courage: Solzhenitsyn's the Red Wheel. – 2021.
14. Климов А. Введение к эпопее «Красное Колесо» // Солженицын: мыслитель, историк, художник. Западная критика. 1974-2008: сборник статей. – Москва : Русский путь, 2010.
15. Живов В. Как вращается «Красное колесо» // Новый мир. – 1992. – №.3.
16. Темпест Р. Александр Солженицын – (анти)модернист / Пер. с англ. А. Скидана // Новое литературное обозрение. 2010. № 103.
17. Солженицын А. И. Ответное слово на присуждение литературной награды Американского Национального Клуба Искусств // Публицистика: в 3 т. Т. 3: Статьи, письма, интервью, предисловия. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1997.
18. Кублановский Ю. М. Стиль и историософия «Красного Колеса» АИ Солженицына // Стрелец. – 1989. – №. 1.
19. Спиваковский П. Е. Феномен А. И. Солженицына: новый взгляд : (К 80-летию со дня рождения). М.: ИНИОН РАН, 1998.
20. Краснов В.Г. Солженицын и Достоевский: искусство полифонического романа / авторизованный пер. - [Б. м.] : [б. и.], сор. 2012.

© И.Ю. Макаrchук, 2022

РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ В СПОРТИВНОМ АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Балахонова Инна Игоревна
специалист по учебно-методической работе
факультета иностранных языков и регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова
кафедра французского языка и культуры

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению спортивного дискурса во французском языке, а также российским футболистам – профессионалам, которые в 90-е годы XX века уезжали в европейские чемпионаты, тем самым сталкивались с изучением иностранного языка и понятием *межкультурная коммуникация* и французо-русскими культурными связями.

Ключевые слова: спортивный дискурс, футбол, спорт, межкультурная коммуникация, легионер, футболист – профессионал, чемпионат Франции, матч, Кан, Страсбург, Франция, Россия.

Balakhonova Inna Igorevna

Abstract: This article is devoted to the consideration of sports discourse in French, as well as to Russian professional footballers who left for European championships in the 90s of the XX century, thereby faced with the study of a foreign language and the concept of intercultural communication and French - Russian cultural ties.

Key words: sports discourse, football, sports, intercultural communication, legionnaire, professional footballer, French championship, match, Caen, Strasbourg, France, Russia.

На протяжении веков Россия и Франция взаимодействовали друг с другом. Данное взаимодействие проявлялись в культурном, экономическом, политическом, образовательном, социологическом аспектах. Обратимся к спортивному аспекту и рассмотрим диалог культур через вторую волну

отъезжающих за рубеж российских футболистов – профессионалов, который затрагивает конец XX века (90-е годы).

Обратимся к понятию *межкультурной коммуникации*. Профессор С.Г. Тер-Минасова в своем научном труде «Язык и межкультурная коммуникация» даёт следующее определение: «Определение межкультурной коммуникации очевидно из самого термина: это общение людей, представляющих разные культуры» [1,с.13]. Профессор Г.Г. Молчанова в своей статье «Методы исследования в межкультурной коммуникации: символ как когнитивная память культуры» отмечает, что основу и цель предмета «межкультурная коммуникация» составляет именно антропологический подход к пониманию всей природы и сущности человека, его языкового сознания и коммуникативного поведения» [2,с.7-23]. Также Г.Г. Молчанова в другой своей научной статье «Кто боится Гирта Хофстеде? Преподавание межкультурной коммуникации и перевода в условиях нарастающей культурой гибридности» обращает внимание, что: «...межкультурная коммуникация и сопровождающий её перевод – это не только передача информационного содержания, но и средоточие тонкого переплетения языковых и социокультурных нитей, стимулов, ситуаций, т.е. таких аспектов, которые мы называем межкультурной компетенцией и межкультурной чувствительностью» [3, с. 9-16].

Межкультурная коммуникация невозможна без понятия – *идентичность*. Т.Ю. Загряжская в своём научном труде «Франция и франкофония: язык, общество, культура» обращает внимание «темы, связанные с идентичностью (национальной, религиозной, групповой), затрагиваются в разных сферах общения – научной, общественно – политической и даже бытовой» [4,с.31].

Исследователи в области спортивного дискурса Н.Н. Кислицына, Е.А. Новикова в своём труде: «Жанры спортивного дискурса: лингвокогнитивный аспект» подчеркивают: «В XX веке спорт становится профессией, возникает такое понятие, как «профессия спортсмена» [5,с.36]. В связи с перестроечным периодом в начале 1990 - х годов многие профессиональные футболисты начали разъезжаться по разным странам Европы. Данное событие можно считать уникальным социокультурным явлением, но сохранив принадлежность к своей культуре, своей идентичности, которая проявляла себя в самобытности, родном языке, традиционном русском укладе, родной литературе, традициях, которые русское наследие сохраняло и воспитывало из поколение в поколение.

По мнению исследователя Ю.П. Тена, *социокультурная идентичность* – осознание человеком своей принадлежности к определённой социальной общности как носительнице конкретной культуры» [6,с.19].

Футболистов, уехавших играть в зарубежные чемпионаты, называли определённым термином – *легионер*. В словаре футбольной терминологии слово *легионер* имеет обозначение - игрок клуба, не имеющий гражданства страны, в национальном чемпионате которой он участвует [7]. В своем труде «Наши легионеры» В.Л. Калинин пишет: «С тех пор, как наши футболисты получили право международного трансфера, счёт уехавших идёт уже на сотни» [8,с. 3].

Рассмотрим подробнее российских футболистов – профессионалов, которые играли в чемпионате Франции через языковой стереотип, который на протяжении веков остаётся одной из важнейших аспектов во франко-русских культурных связях. Французский язык для самих французов является национальным символом, который имеет название «*Дух французского языка*». Он обозначает признание французами своего языка как величайшей национальной ценности.[9,с. 16].

Профессор Т.Ю. Загрякина в своей научной статье «Русско-французские культурные связи» отмечает: «...когда первые русские стали приезжать в Европу, существовало очень серьёзное препятствие для прямых контактов между французскими и русскими – это языковой барьер.» [10,с. 8]. Также Т.Ю. Загрякина отмечает: «Приходилось общаться через посредников – переводчиков» [10,с. 8]. Не изменилась языковая ситуация и в конце XX века в спорте, приезжая в Европейский чемпионат, футболисту важно знать, понимать, уметь взаимодействовать с партнёрами по команде на иностранном языке. Ведущий футболист сборной России второй половины XX века А.В. Мостовой, выступавший за французские клубы «Кан» из города Кан и «Страсбург» из города Страсбург (Эльзас), один из первых российских футболистов начала 90-х годов, уехал во Францию и напрямую столкнулся с ситуацией изучения иностранного языка, в своей автобиографической книге отмечает: «Учил язык (французский) постепенно, самостоятельно. Хотя давался он мне гораздо сложнее, чем португальский» [11,с. 148]. Также А.В. Мостовой обращает внимание, что на тренировках поначалу обходился с помощью жестов. Как вспоминает А.В. Мостовой, перейдя в футбольный клуб

«Страсбург»: «...у меня появился переводчик – француз. Он очень сильно помогал и везде был рядом со мной» [11,с. 152].

Необходимо обратить внимание на термин *спортивного дискурса*. В своём научном труде «Коммуникативно – прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса» исследователь К.В. Снятков пишет, что спортивный дискурс – это «речь (в устной или письменной форме), которая транслирует смыслы, определяющие спортивную деятельность (дискурс как процесс), и совокупность произведенных текстов, в которых репрезентированы эти смыслы (дискурс как результат), то есть совокупность речевых произведений, зафиксированных письмом или памятью» [12, с. 245]. Исследователь Л.Г. Ярмолинец в своём научном труде «Спортивный дискурс: терминология командных видов спорта: (на материале английского языка)» приходит к выводу о необходимости краткого и одновременно ёмкого озвучивания команд и направляющих реплик предполагает возникновение специфической лексики, выходящей за рамки официальных обозначений: профессионализмы, профессиональные жаргонизмы, профессиональные сленговые слова. [13,с. 11]. Другие исследователи А.П. Седых и С.С. Сосенко в своей научной статье

«К вопросу о современном французском спортивном дискурсе» отмечают: «Франция – спортивная страна. Спортивный французский дискурс, который обслуживает данную область человеческой деятельности, является подсистемой национального языка и коммуникации. Важную роль здесь играет спортивная терминология как неотъемлемая часть данной разновидности дискурса» [14]. Кроме того, А.П. Седых, С.С. Сосенко приходят к определённом выводу: «...французский спортивный дискурс – сложное многоплановое явление и рассматривается, с одной стороны, как процесс, иными словами, речь (в устной и письменной форме), которая транслирует смыслы, определяющие спортивную деятельность, с другой стороны, как результат – фиксированную письмом / памятью совокупность текстов (высказываний) спортивной направленности. Подавляющее число подходов к пониманию дискурса разрабатывается главным образом на основе развития интеллектуального диалога и междисциплинарных исследований» [14].

Обратимся французскому городу Страсбург. Он примечателен тем, что в 842 году в этом городе были написаны знаменитые Страсбургские клятвы, которые являются первым памятником французского языка документом, так

как документ был написан на французском языке. По мнению А.В. Мостового, Страсбург произвёл на него сильное впечатление: «Очень красивый, старинный город, с богатой историей, недаром его считают центром Европы» [11,с. 154]. Исследователь Э. Эндерлайн в своей статье «Русские в Страсбурге в XVIII веке» пишет: «...из-за географически выгодного расположения Страсбурга удобно было совершать поездки в центры притяжения русских за границей: Париж, Швейцарию и Италию» [15,с. 15]. Так же исследователь отмечает: «В 1756 г. Франция и Россия подписали Договор о союзничестве, который должен был благоприятствовать развитию длительных дружеских отношений и приезду русских во Францию» [15,с. 16]. Другой исследователь Е.Н. Грицак в своей книге «Эльзас и Страсбург» упоминает: «Оказавшись в Эльзасе, трудно избавиться от ощущения, что пребываешь в сказке: яркая зелень, игрушечные домики, сложенные из камня или добротнo сбитые из дерева и щедро украшенные цветами, готические церкви, журчащие фонтаны, извилистые улочки деревень крепостного вида, узнаваемые по эмблемам винные погреба, замки на холмах, аккуратно возделанные поля, сады, виноградники».[16,с.23]. В подтверждении слов исследователя воспоминания футболиста А.В. Мостового: «Вместе с командой же мы подчас жили в отеле за городом, построенном в виде замка. Ощущения – будто находишься в раю. Выходишь гулять – по тропинкам ходят гуси, а рядом с озером – лебеди. [11,с. 154].

Нельзя не обратиться к международным матчам между сборными России и Франции, которые имеют многолетнюю историю и являются важными с точки зрения культурологического аспекта. Рассмотрим статистику личных встреч: один матч на чемпионате мира в июне 1986 года, четыре матча в отборочных турнирах чемпионата Европы 1986, 1987, 1998, 1999 годах, пять товарищеских матчей в 1993, 1998, 2002, 2016, 2018 годах [17]. Наиболее яркой является легендарное историческое противостояние, которое состоялось 05 июня 1999 года на знаменитом стадионе «Стад де Франс», которое завершилось победой Российской сборной со счётом 2:3. Данный матч имеет большое культурное, спортивное и историческое значение в истории встреч между Россией и Францией.

Список литературы

1. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.,2000.- С.13.

2. Молчанова Г.Г. Методы исследования в межкультурной коммуникации: символ как когнитивная память культуры // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011.- №1. - С.7-23.
3. Молчанова Г.Г. Кто боится Гирта Хофстеде? Преподавание межкультурной коммуникации и перевода в условиях нарастающей культурной гибридности // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. - №4. - С.9 – 16.
4. Загрязкина Т.Ю. Франция и франкофония: язык, общество, культура - М., 2015.- С.31.
5. Кислицына Н.Н. Новикова Е.А. Жанры спортивного дискурса: лингвокогнитивный аспект. М., 2020.- С.36.
6. Тен Ю.П. Культурология и межкультурная коммуникация. Ростов- на - Дону. 2007. - С. 19.
7. Словарь футбольных терминов. URL: <https://footobzor.ru/futbolnie-termini> (дата обращения: 14.12.21.).
8. Калинин В.Л. Наши Легионеры. 1987-1992. М., 1993. - С.3.
9. Загрязкина Т.Ю. Франция в культурологическом аспекте. М.,2007. - С. 16.
10. Загрязкина Т.Ю. Русско- французские культурные связи // Франция и Россия. Культурные контакты. М.,2010.- С. 8.
11. Мостовой А.В. По прозвищу «Царь». М., 2009. - С. 148.
12. Снятков К.В. Коммуникативные – прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса. Вологда. 2008. - С.245.
13. Ярмолинец Л.Г. Спортивный дискурс: терминология командных видов спорта: (на материале английского языка). Краснодар.2020. – С.11.
14. Седых А.П. Сосенко С.С. «К вопросу о современном французском спортивном дискурсе» URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2013_12-1_52.pdf (дата обращения: 11.12.21.).
15. Эндерлайн Э. Русские в Страсбурге в XVIII веке // Франция - Россия: проблемы культурных диффузий. Тюмень.- С. 15.
16. Грицак Н. Е «Эльзас и Страсбург». М., 2007. - С. 23.
17. Спорт – экспресс. URL: <https://www.sport-express.ru/football/face2face/rossiya-franciya-29-36/> (дата обращения: 10.12.2021).

**СЕКЦИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

УДК 811

КОНЦЕПТ «ГОРДОСТЬ» В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ

Малахова Светлана Анатольевна

к.филол.н., доцент

ФГБОУ ВО «Армавирский государственный университет»

Аннотация: Цель исследования заключается в том, чтобы рассмотреть семантику концепта «гордость» на примере анализа религиозного христианского дискурса. Проведенный анализ теологических текстов различного жанра позволяет выделить морально-нравственный и религиозный аспект исследуемого концепта. В религиозном дискурсе номинант концепта, лексема *гордость* выступает в значении «гордыня, высокомерие».

Ключевые слова: религиозный дискурс, концепт «гордость», христианская этика, метафора, грех.

THE CONCEPT OF «PRIDE» IN RELIGIOUS DISCOURSE

Malakhova Svetlana Anatolyevna

Abstract: The aim of the paper is to research the semantics of the concept «pride» analyzing religious Christian discourse. The analysis of theological texts of various genres allows us to highlight the moral and religious aspects of the concept. In religious discourse the concept is used in the meaning of «arrogance».

Key words: religious discourse, the concept «pride», Christian ethics, metaphor, sin.

Проблема индивидуальной нравственности и человеческого достоинства является одной из ключевых позиций традиционной христианской этики. Гордость как эмоция и черта характера непосредственно связана с идеей личного достоинства, однако в обыденном и религиозном сознании понимается по-разному. Гордость мы обычно рассматриваем как одно из положительных качеств человеческой личности, при условии, что она не превращается в высокомерие. Гордость в христианстве – это один из основных человеческих

пороков. Исследование текстов Библии, теологических комментариев к ней, христианско-богословские тексты позволяют понять отношение к эмоции гордости в христианстве. В данной статье религиозный текст выступает как источник информации, раскрывающий семантику концепта «гордость».

Гордость, гордыня – греч. υπερηφάνια; лат. superbia, обозначается и другими греческими словами, приобретая при этом различные смысловые оттенки (хвастовство, самомнение, высокоумрие, спесивость или кичливость,): οἷσις, τυφος, ἀλαζονεία, υψηλοφροσύνη [1]. Первенство гордыни среди грехов находило обоснование в библейском речении «начало греха – гордость (initium omnis peccati superbia)» (Сир. 10: 15). В Евангелии от Марка (7: 21-23) гордость (υπερηφάνια) указывается среди двенадцати злых помыслов, которые «изнутри, из сердца человеческого, исходят». Ап. Павел включает гордость в число множества пороков, которые овладевают людьми (2 Тим. 3: 1-9). Против гордости (ἀλαζονεία) предостерегает ап. Иоанн Богослов в соборном Послании (1 Ин. 2: 16), также и ап. Иаков, увещевая гордых, писал: «... вы, по своей надменности (ἀλαζονείαις) тщеславьтесь: всякое такое тщеславие есть зло» (Иак. 4: 16). Св. Иоанн Златоуст помещает гордость на первое место из восьми основных грехов: от нее происходят зависть, ненависть и гнев – гордый одержим этими страстями [2, LXV: 5]. По выражению прп. Иоанна Лествичника, гордость «есть крайнее убожество души, которая мечтает о себе, что богата, и, находясь во тьме, думает, что она во свете» [3, с. 153].

Святитель Григорий Палама в одной из своих «Бесед» указывал: «тот, кто склоняется к заносчивости и высокомерию теряет достоинство быть человеком и становится бесчестнее бесчестных и бессмысленнее бессловесных» [4, с. 28].

Преподобный Исидор Пелусиот писал о гордеце: «Почто гордится земля и пепел? Чем высится тление? Почему много о себе думает и превозносится тень? От этого уврачует тебя вращающийся круг времени, приведя к скорому концу твое начальство и положив конец твоей горячности» [5, с. 198]. Автор поучений использует такие синонимы гордости, как *высокоумие*, а гордый человек именуется *высоковыйным* (*выя-«шея»*) [6, с. 373]: «Скромность делает живущих так подобными Богу. А высокоумие не только отнимает настоящее, но и с самих небес низлагает высоковынаго» [5, с. 8]; нарушающих заповедь, ждет наказание: «Те, которые, надмеваясь мыслью о своем роде и, будучи скудны добродетелью, величаются, что они – сыны царствия, сами себя ввергнут в нескончаемое мучение» [Там же, с. 73].

В русских богослужебных текстах XVI – XVII вв. сохранились «покаяльные» вопросники. Эти тексты использовались духовниками во время исповеди. Исповедь играла немаловажную роль в жизни человека, знавшего, что за все совершенные им проступки предстоит ответить на Страшном суде и охватывала различные стороны жизни людей. В рукописях присутствуют вопросы, которые говорят о внутреннем состоянии человека, «грехах духа», к которым составители опросников относили осуждение, ревность, зависть и гордость: «Или зависть держал еси, или ненависть, или погордил еси старшиною перед собою? Гордость держишь?» В одном из текстов уточняется: «И у величании не съгрешил еси?» [7, с. 264].

Святитель Игнатий (Брянчанинов), в молитвослове, который был составлен в помощь кающимся, пишет о гордости, поясняя восемь главных страстей: «Гордость – презрение ближнего, дерзость, хула, неверие, лжеименитый разум. Непокорность закону Божию, колкое насмешничество, потеря простоты, потеря любви к Богу и ближнему, невежество. Смерть души» [8, с. 241-242].

Гордость свидетельствует о наивысшей степени падения человека в религиозном отношении [9, с. 300]. Идея гордости и падения связана в христианстве с первым грехом дьявола и наказанием за этот грех. То же наказание ждет и человека, который подвергает себя греху гордыни. Бог накажет народ израильский за то, что «гордость разрослась» в нем (Иез. 7: 10; Иер. 13: 9-10, 15); в День Господень «покинут гордые взгляды человека, и высокое людское унижится», все гордое (*υπερηφανον*), высокомерное (*υψηλον*) и превознесенное (*μετέωρον*) будет уничтожено (Ис. 2: 11, 12); «и падет величие человеческое» (Ис. 2: 17).

В тексте епископа Петрского Феодора грех гордыни подобен мечу, который пронизывает человека: «Некие люди, приступив к аскетической жизни с необдуманной ревностью, были пронзены мечом гордыни. Они приписали подвижнические труды только собственным силам» [10, с. 77], они забыли, что Господь сказал: «...без меня не можете делать ничего» (Ин. 15: 5).

Многочисленные упоминания гордости, как порока, или порочной страсти, в религиозных текстах связаны с идеей пути, или пространственной метафорой Верха и Низа. Эта структура особенно явно выступает в монашеских сочинениях, морализующего характера, часто представляющих путь человека в виде духовной «лестницы», где каждая ступень соответствует

определенному этапу восхождения к Богу [11, с. 103]. Подобную модель можно найти, например, в «Лествице» Иоанна Синайского (VII в.), который посвятил немало страниц своего текста описанию порока гордости. Следование этой страсти подобно лестнице, ведущей вниз, к состоянию духовной смерти: «Наказание гордому – его падение» [3, с. 151]; «Не возвышай выи, перстный, ибо многие, будучи святы и невещественны, были свержены с неба»; «Сия скверная страсть не только не дает нам преуспевать, но и с высоты низвергает» [Там же, с. 153].

Мотив возвышения в описании действий и последствий гордыни постоянно соседствует с мотивом падения. С одной стороны, гордыня часто описывается пространственной метафорой как движение вверх, как попытка возвышения-вознесения. С другой стороны, возвышение сердца приводит к падению. В пространственных образах религиозных текстов проявление гордыни выглядит как переход возвышения в падение. В средневековом понимании «гордыня-вознесение уже и есть падение – точно также, как уничижение-кеносис Христа есть истинное возвышение: рисунок метафорически-пространственных движений здесь обратный» [12, с. 111].

Ст. Софроний (Сахаров) представляет человеческое бытие в виде пирамиды. Те, кто на вершине пирамиды, господствуют и властвуют над теми, кто находится ниже, причем справедливости в этом руководстве нет. Христос, как считает старец Софроний, чтобы исцелить человека, вывести его из тупика несправедливости и вознести ввысь всех тех, кто уничижен на земле, опрокидывает пирамиду бытия, помещая ее верхушку в самый низ. Внизу опрокинутой пирамиды находится Сам Христос. У основания опрокинутой пирамиды царит смиренный и спасительный дух распятого Христа [13, с. 71-72]. «Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою: и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом» (Мф. 20: 26-27). Христос, униженный, осмеянный и поруганный оказывается на вершине пирамиды, тогда как гордость и тщеславие мира повержено. Ст. Софроний говорит о гордости как о страшной болезни, которая оскверняет человека, сравнивает гордыню с ядовитым запахом, смертоносным удовольствием, ослепляющим человека, превращая его в безумца и узника ада [13, с. 87]. Преподобный Исидор Пелусиот писал: «Мы взойдем на высоту смиренномудрия, если истребим в себе губительное надмение гордыни и низводящее во ад воспаление высокомерия» [5, с. 200].

Идея избавления от гордости в православной традиции связывается со стремлением к смирению через презрение и унижение, что часто проявлялось в юродстве. Известный богослов Жан-Клод Ларше уточняет, что многие отцы церкви говорят о том, что на обижающего или оскорбляющего нас надо смотреть как на врача, исцеляющего нас от тщеславия и гордости [10, с. 181]. Один старец советует: если диавол «доведе тебя до тщеславия, соверши перед людьми поступок или изобрази поведение, которое навлечет на тебя презрение» [Там же, с. 181-182]. Преподобный Иоанн Лествичник писал: «Начало к истреблению тщеславия есть любление бесчестия». Он также указывает: «Бог радуется, видя, что мы усердно стремимся к бесчестию, чтобы потрясти, уязвить и уничтожить суетное наше тщеславие» [3, с. 149].

Авторы религиозных наставлений и поучений часто дают рекомендации как избежать гордости не только в помыслах, но и во внешнем облике: «да будет у нас наружность степенная, взор кроткий, поступь не быстрая, и брови не будем поднимать вверх, и сидеть будем смиренно; (...) а также и слово, и голос, и обращение с ближними да показывают более скромность, а не кичливость. Ибо так, соблюдая во всем скромность, взойдем на небесную высоту» [5, с. 173]. Давая характеристику гордецу, пр. Исидор отмечал: «... почему ты, не от благородной происходя крови, поднимаешь брови, высоко носишь выю, ходишь на ногтях и думаешь о себе, будто бы носишься по воздуху» [Там же, с. 203]. Также и пр. Феодор Студит поучал: «Не побеждайтесь гордостью, но будем устремлять взор наш долу, а душу горе, будем друг к другу кротки и тихи» [14, с. 146].

Грех гордыни касается не только души человека, но и мира. Изменения, которые произвела гордыня в устройстве мира, приводит Антоний Великий в одной из своих проповедей: «Из-за гордыни сердца накренились небеса и двинулись основания земли, (...), разгневался из-за нее Всемогущий и заставил бездну извергать огонь. ... Из-за гордыни сердца создал он ад и наказания. Из-за гордыни сердца всё пришло в беспорядок, одно с другим вступило в борьбу, и отсюда возникла тирания дьявола» [12, с. 112].

Архимандрит Захария отмечает, что «общим признаком нашей эпохи в первую очередь является гордыня, а также помрачение ума и его пленение лукавым духом, полное нерадение и духовный паралич» [13, с. 349].

Подводя итог, можно сказать, что в понимании христианской этики гордость – грех, наивысшая греховная страсть, которая проявляется в

отвержении Бога и презрении людей, «потрясение, выпавшее на долю Божественному порядку: она потрясла небесную иерархию, потрясла человеческое сердце и весь мир» [12, с. 112]. В теологических христианских текстах номинант концепта, лексема *гордость* выступает в значении «гордыня, высокомерие». Тексты религиозного дискурса содержат богатую информацию нравственного и лингвистического характера, позволяющую выделить семантику языковых реализаций гордости, иерархическую структуру понятия и роль в формировании христианской личности.

Список литературы

1. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь [Репринт V-го издания 1899 г.]. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991. – 1370 с.
2. Иоанн Златоуст, свт. Беседы о статуях (к антиохийскому народу) // Творения: в 12 т. [Репринт. изд.]. – СПб., 1898. – М., 1991 – 1998. – Т. 2. Кн. 1. С. 5 – 250.
3. Иоанн Лествичник. Лествица [Репринт. изд.]. – М.: Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. – 1994. – 274 с.
4. Григорий Палама, свт. Беседы: в 3 т. – М.: Издательский отдел Валаамского монастыря, 1994. – Т. 3. – 262 с.
5. Исидор Пелусиот. Письма: в 2 т. – М.: Издательство им. Святителя Игнатия Ставропольского, 2000. – Т. 1 – 352 с.; Т. 2 – 576 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т.: Т. 1: А – Д: Ок. 4000 слов / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 588 с.
7. Корогодина М. В. Исповедь в России в XIV – XIX вв.: Исследование и тексты. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. – 584 с.
8. Брянчанинов Игнатий, свт. В помощь кающимся // Не отвержи мене от лица Твоего. Молитвослов с наставлением к исповеди – СПб.: Сатись; Держава, 2006. С. 241 – 242.
9. Зарин С. М. Аскетизм по православно-христианскому учению – СПб., 1907. [Репринт. изд.]. – М., 1996. – 694 с.
10. Ларше Ж.-К. Исцеление психических болезней: Опыт христианского Востока первых веков / Пер. с франц. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. – 224 с.

11. Галкова И.Г. Нравственная ориентация христианства и ее воплощение в программе портала Сен-Пьер в Муассаке // Антропология культуры. Вып. 3. К 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. – М.: Новое издательство, 2005. – 416 с.
12. Махов А.Е. Hostis antiquus: Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря. – Москва: Intrada, 2006. – 416 с.
13. Захария (Захару), архимандрит. Христос как путь нашей жизни / Перевод с новогреческого. Изд. 1-е. – Свято-Иоанно-Предчетенский монастырь, 2002. – 400 с.
14. Феодор Студит. Спасительные поучения и завещание. Репринт издания 1896 г. – М.: Издательство Московского подворья Свято-троицкой Сергиевой Лавры, 1998. – 342 с.

ПРИНЦИП НАГЛЯДНОСТИ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Алибулатова Айша Магоме-Алиевна

Аджиева Забия Гамзатовна

Абдулганиева Марьям Алмазовна

студенты

факультет иностранных языков

Дагестанский государственный университет

Аннотация: в данной статье рассматривается эффективность и актуальность использования принципа наглядности в процессе обучения английскому языку.

Ключевые слова: наглядность, визуализация, принцип, средства наглядности, методы, английский язык, обучение.

THE PRINCIPLE OF VISUALIZATION IN TEACHING ENGLISH

Russia, Makhachkala

Alibulatova Aisha Magomed-Alievna

Adzhieva Zabiya Gamzatovna

Abdulganieva Maryam Almazovna

Abstract: This article deals with the effectiveness and relevance of the usage of the principle of visualization in teaching English.

Key words: visualization, principle, means of visualization, methods, English, teaching.

Принцип наглядности является одним из самых первых сформулированных общедидактических принципов. Он определяется как принцип обучения, который строится на конкретных образах, воспринимаемых обучающимися. В настоящее время данный принцип является одним из ведущих в обучении всем предметам. Принцип наглядности особенно эффективно используется на уроках английского языка.

В учительской практике стремятся использовать наглядность как стимулирование процесса усвоения материала, как дополнительное средство

запоминания и сохранения информации, как яркий опорный сигнал, способствующий развитию таких способностей ребенка, как воображение, зрительная и эмоциональная память. Наглядность снимает напряжение между учениками и учителем и способствует установлению более комфортной и располагающей к обучению обстановки в классе. Это обусловлено тем, что менее активные учащиеся, привыкшие отмалчиваться, проявляют больший интерес и желание высказаться при наличии соответствующих средств наглядности.

А.Н. Щукин выделяет следующие функции наглядности при обучении иностранному языку: обучающая, контролирующая, организующая. Суть обучающей функции заключается во введении необходимого материала для урока. Контролирующей – в том, что средства визуализации выступают в роли инструмента для контроля и самоконтроля полученных знаний, навыков, умений.

Средства наглядности – это материалы, входящие в состав аудиовизуальных средств обучения. Они опираются на органы восприятия (зрение, слух) и делают обучение и запоминание более эффективными. Это просмотр видеороликов на английском языке, прослушивание диалогов, а также использование компьютерных программ в целях подачи материала и контроля знаний. Средства наглядности активизируют внимание учащихся. Это, по сути, определенный раздражитель, поэтому обеспечивают произвольное внимание. Наглядные образы обладают большей силой при активизации внимания учащихся, чем вербальные средства.

Сегодня большая часть средств визуализации напрямую связана с использованием современных информационных технологий. Для реализации принципа наглядности в процессе обучения английскому языку предусмотрена возможность размещения в кабинете тематических стендов, информационных материалов, учебников и книг на английском языке. Во время обучения учащиеся могут не только узнать полезную информацию, но и по возможности вспомнить ранее пройденный материал с помощью информационных таблиц, картинок и схем.

Использование аудиовизуальных материалов – это эффективная форма учебной деятельности, которая не только активизирует внимание учащихся, но и способствует совершенствованию их навыков аудирования и говорения. К аудиовизуальным средствам передачи информации относятся проекторы,

аудиосистемы, проигрыватели, компьютеры. Отличительной особенностью перечисленных технических устройств является преобразование информации, записанной на том или ином носителе, в удобную для восприятия форму.

Одним из примеров эффективных визуальных материалов на уроках английского языка являются *ментальные карты*. Это инструмент, способствующий развитию памяти и мышления, при использовании которого задействуются оба полушария головного мозга. Такие условия благоприятствуют развитию учебно-познавательной компетенции обучающихся. Это одно из самых оптимальных средств визуализации дидактического материала. Они:

- мотивируют к изучению иностранного как средства межкультурной коммуникации;
- организуют коллективную, групповую и индивидуальную деятельность учащихся;
- способны развивать творческие и интеллектуальные способности обучающихся.

Использование аудиоматериалов и видеоматериалов на занятиях по английскому языку повышает заинтересованность обучающихся, эффективность процесса обучения, а также помогает сохранить интерес непосредственно к изучаемому предмету, поскольку способствует созданию благоприятной психологической атмосферы на занятии, активизирует деятельность учащихся. Уроки с применением современных средств визуализации способствуют не только наиболее эффективному овладению навыками, знаниями и теми или иными компетенциями, расширению лексического запаса, налаживанию когнитивных связей, обеспечению межкультурного знакомства, но и передаче информации в доступной и понятной форме, повышают эффективность обучения иностранному языку, а главное - мотивируют обучающихся к дальнейшему изучению иностранного языка, в т.ч. и самостоятельному.

Таким образом, принцип наглядности является одним из наиболее значимых и продуктивных методов обучения иностранному языку. Он включает изобразительные средства, визуализацию, в том числе посредством развития ассоциативных связей, игровые приемы с эмоциональной окраской, семантизацию со звуковой и произносительной формой. Применение аудиовизуальных средств обучения является эффективным способом передачи

информации, помогает создать мотивацию учащихся к активному участию в учебном процессе и овладению английским языком как средством коммуникации, а также повысит качество знаний.

Список литературы

1. Копылова В.В. Методика проектной работы на уроках английского языка: методическое пособие / В.В. Копылова. 3-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2006. 93 с
2. Верисокин Ю.И. Видеофильмы как средство мотивации школьников при обучении иностранным языкам / Ю.И. Верисокин // Иностранные языки в школе, 2003.
3. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.
4. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей. М.: Просвещение, 2006. 239 с.
5. Усольцев А.П., Шамало Т.Н. Наглядность и ее функции в обучении // Педагогическое образование в России. 2016. № 6. С. 102-109.

**СЕКЦИЯ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

ПЕРЕМЕНЫ В КУЛЬТУРЕ РОССИИ ПРИ ПЕТРЕ I

Шатова Анна Алексеевна

магистрант

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»

Аннотация: Преобразования Петра I в сфере культуры носили не менее масштабный и даже революционный характер, чем другие реформы первого императора России. В статье рассматривается влияние реформ Петра I на развитие российской культуры в целом, и особенное внимание уделяется изобразительному искусству и архитектуре. Рассматриваются новые формы, которые начинают внедряться в данный промежуток времени и то, какую роль играет запад в истории культуры данной эпохи.

Ключевые слова: Культура России, Петр I, перемены и реформы, искусство, архитектура, Западное влияние.

CHANGES IN THE CULTURE OF RUSSIA UNDER PETER I

Shatova Anna Alekseevna

Abstract: The transformations of Peter I in the sphere of culture were no less ambitious and even revolutionary in nature than other reforms of the first emperor of Russia. The article examines the impact of Peter I's reforms on the development of Russian culture as a whole, and special attention is paid to fine arts and architecture. The new forms that are beginning to be introduced in a given period of time and the role played by the West in the cultural history of this era are considered.

Key words: Culture of Russia, Peter I, changes and reforms, art, architecture, Western influence.

Введение

Как зарождалась культура при правлении Петра Великого, можно рассматривать долго, а также выделять плюсы и минусы, ведь этот период истории один из тех, который в корне менял жизнь людей. Достаточно

интересно рассматривать то, как наша культура не просто ломалась сама собой, а менялась под влиянием европейских традиций. Было рассмотрено и проанализировано, как Русь меняла свой облик, сопротивляясь или наоборот принимая новшества, которые потекли из-за границы с наступлением правления Петра I.

Процесс изменения культуры России в эпоху Петра Великого - наиболее противоречивая часть Петровских реформ. Еще до Петра были созданы предпосылки реформации устоявших культурных норм и традиций, заметно усилились связи с зарубежными странами, в Россию постепенно проникают западноевропейские культурные традиции. В 1687 г. была открыта Славяно-греко-латинская академия - первое высшее учебное заведение в России.

Важнейшим этапом в проведении реформ стало посещение Петром в составе Великого посольства ряда европейских стран. По возвращении Петр направляет много молодых дворян в Европу для изучения различных специальностей, главным образом для овладения морскими науками.

Петр стремился к тому, чтобы как можно скорее преодолеть возникшую еще со времен татаро-монгольского ига разобщенность России и Европы. Одним из ее проявлений было разное летоисчисление, и в 1700 г. Петр переводит Россию на новый календарь - 7208 год становится 1700-м, а празднование Нового года переносится с 1 сентября на 1 января.

Нельзя забывать о том, что все эти преобразования исходили исключительно сверху, а потому были достаточно болезненны как для высших, так и для низших слоев общества. Насильственный характер некоторых из этих преобразований внушал отвращение к ним и вел к резкому неприятию остальных, пусть даже самых прогрессивных, начинаний. Петр стремился сделать Россию европейской страной во всех смыслах этого слова и придавал большое значение даже самым мелким деталям процесса.

Изобразительное искусство первой четверти XVIII в. представлено таким новым явлением, как гравюра (она пришла на Русь из Европы). Свою популярность она завоевала, прежде всего, из-за дешевизны. Вскоре гравюры уже широко использовали в учебной литературе, газетах, календарях. Известным мастером в этом направлении был А.Ф. Зубов. Другой отличительной чертой изобразительного искусства эпохи Петра стал портрет. Одним из основоположников русской светской живописи стал Иван Никитич Никитин (1690–1742 гг.), получивший по указу Петра возможность обучения в

Италии. Его портретам («Напольный гетман», «Петр I на смертном ложе») присущи реализм, интерес к внутреннему миру человека, показ не только его индивидуальных внешних черт, но и характера. [1]

Главными чертами развития культуры в эпоху Петра I стало усиление светских ее начал и активное проникновение и даже насаждение западноевропейской культуры. Эти перемены были неоспоримы и весьма заметны. Именно на их основе зародилась и развилась отечественная наука, оформилась система образования, расцвела художественная культура не только в последующие десятилетия XVIII в., но и XIX в. Однако культура петровского времени носила еще переходный характер. Она соединяла в себе новации Петра и традиции патриархальной Руси. Более того, все эти новшества и достижения стали достоянием лишь высших слоев населения огромной страны. Основная же его часть воспринимала новые черты жизни, появившиеся при Петре, как не более чем чудачества самого царя и своих господ.

Среди любимых сюжетов были бои и баталии, морские сражения и, конечно же, красивый город Петербург. Художественная культура при Петре I процветала. Известные художники – А. Матвеев, И. Никитин, Зубовы, А. Ростовцев занимались росписью художественных книг, составлением географических карт для школьных учебников. Многие живописцы приехали из Европы и, уже открывая свои мастерские, обучали русских художественным приемам. Их вклад в российское искусство нельзя недооценивать.[2]

В XVII веке архитектура носила преимущественно церковный характер. Петровские преобразования кардинально повлияли на характер архитектурных проектов и застройку городов и барских усадеб.

В архитектуре появились новые формы, новый художественный язык. Важнейшим атрибутом архитектуры стал ордер. Основные принципы нового зодчества воплотились с наибольшей силой при строительстве новой столицы – Петербурга: переход к градостроительству и регулярной планировке, к рационально спланированному ансамблю. Важнейшие архитектурные памятники того времени – Летний дворец Петра I, Петропавловский собор (архитектор Д. Трезини), здание Двенадцати коллегий (Трезини Д., Земцов М.Г.), Меншиков дворец на Васильевском острове (Фонтана Дж.-М. и Шедель Г.), Адмиралтейство (Коробов И.К.). С именами этих архитекторов было связано формирование нового направления в русской архитектуре – барокко. [3]

В Петровскую эпоху вносятся новшества и в архитектуру, и в строительство, обусловленные требованиями правительства выразить в архитектурных сооружениях силу, мощь и величие Российской империи. Правительство финансировало крупные постройки.

В XVII веке архитектура носила преимущественно церковный характер. Петровские преобразования кардинально повлияли на характер архитектурных проектов. С политико-экономическим развитием страны предъявляются новые требования к гражданскому строительству. Появление промышленных мануфактур, учреждение Сената, коллегий потребовало нового типа построек. Строительство в Москве отличалось разнообразием городских зданий.

Наиболее заметными строениями того времени в Москве были Хамовный двор, Суконный двор, Большой каменный мост, Арсенал в Кремле. Из зданий общественного пользования можно выделить трехэтажное здание Главной аптеки, где в начале помещался первый русский университет, "Комедииную хромину" (театр) в Москве, систему монументальных зданий в Петербурге.

В церковной архитектуре наступил период, получивший название московского барокко. Одним из видных архитекторов того времени является И.П. Зарудный, создавший замечательную церковь архангела Гавриила. Традиционная композиция церкви сближает её с постройками XVII в., но завершение в виде шпиля 30-метровой высоты со скульптурой ангела и обильные украшения в стиле европейского барокко, говорят о новых тенденциях в архитектуре, пришедших вместе с реформами Петра. В Москве в этот период построены прекрасные пятиглавые храмы. Появилась и принципиально новая архитектура, основанная на системе колонн, портиков, фронтонов, ротонд и т.д. Новые тенденции в архитектуре отразились в строительстве жилых помещений - палат, дворцов.

В петровское время под влиянием Западной Европы изменился характер русской архитектуры. Она стала широко использовать ордерные элементы: колонны, пилястры, антаблемент. Одним из самых видных архитекторов, работавших в России в первой четверти XVIII в., был швейцарец Доменико Трезини (около 1670–1734 гг.). Он многое сделал для строительства Петербурга. Трезини перестроил в камне Петропавловскую крепость, которая многим отличалась от традиционных русских крепостей. По углам вместо высоких башен были возведены пятиугольные укрепления – бастионы, внутри которых располагались казематы, где хранилось оружие и боеприпасы.

Бастионы между собой соединяли куртины – участки низких и толстых стен. Главный вход в крепость лежал через Петровские ворота, украшенные скульптурой (см. «Скульптура»).

Заключение

В заключении следует отметить, что преобразования в области культуры были ограничены частью реформирования страны. Реформы культуры, с одной стороны удовлетворяли насущные требования других преобразований и с другой стороны нередко сами служили импульсом ускорения изменений. Необходимо подчеркнуть также, что реформы Петра I были глобальными. История России до Петра и после него знала немало реформ. Главное отличие петровских преобразований от реформ предшествующего и последующего времени состоит в том, что они охватывали все стороны жизни народа, в то время как другие внедряли новшества, касающиеся отдельных сторон жизни общества и государства.

В результате реформ и активной военной политики страна получила выход к Балтийскому морю, было покончено с политической и экономической изоляцией, укрепился международный престиж России, она стала великой европейской державой.

Наиболее долговечным осталось культурное наследие Петра I, сохранились многие учреждения, памятники архитектуры и искусства, которыми страна гордится и сегодня.

Петр I по праву считается одним из ярких исторических деятелей мирового масштаба. Много исторических исследований и художественных произведений посвящено преобразованиям, связанным с его именем. Историки и писатели по-разному оценивали личность Петра и значение его реформ. Уже современники Петра I разделились на два лагеря: сторонников и противников его преобразований. Спор продолжается и по сей день.

Деятельность Петра создала все условия для более широкого знакомства России с культурой, образом жизни, технологиями европейской цивилизации, что и послужило началом довольно болезненного процесса ломки норм и представлений Московской Руси.

Еще одной важной особенностью петровских реформ было то, что они затронули все слои общества, в отличие от предыдущих попыток российских правителей. Строительство флота, Северная война, создание новой столицы - все это становилось делом всей страны.

Петр I заложил такие мощные основы развития государства, что даже после того, как его не стало, мнение России еще долгое время было решающим фактором, в принятии международных решений. Да, реформы Петра много стоили русскому народу, но ведь и времени, чтобы делать все бескровно у царя не было, нужно было действовать максимально быстро и решительно, иначе сейчас России, в нынешнем ее виде, могло бы и не быть. Наверное, в истории нет такого человека, который настолько был предан развитию и укреплению своей державы, приложивший титанические усилия, чтобы преобразовать страну, за очень короткий промежуток времени, вытащив ее из пропасти и твердо поставив на ноги, на которых она стоит и по сей день. Именно Петр I своими преобразованиями поднял Россию с колен. [4]

Список литературы

- 1) [Электронный ресурс] - <https://interneturok.ru/lesson/istoriya-rossii/7-klass/rossiya-pri-petre-i/peremeny-v-kulture-rossii-v-gody-petrovskih-reform> (дата обращения 19.11.2021)
- 2) [Электронный ресурс] - <https://www.syl.ru/article/366534/preobrazovaniya-v-kulture-pri-petre> (дата обращения 20.01.2022)
- 3) [Электронный ресурс] - <http://dodiplom.ru/ready/90327> (дата обращения 22.01.2022)
- 4) [Электронный ресурс] - https://otherreferats.allbest.ru/history/00744150_0.html (дата обращения 24.01.2022)

© А.А. Шатова, 2022

**СЕКЦИЯ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

РЕЛИГИЯ ПОД ОБЩЕСТВЕННЫМ ДАВЛЕНИЕМ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ

Монахова Виктория Дмитриевна

студент

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Аннотация: в статье рассматриваются аспекты, касательно значения религии в жизни людей, в том числе в жизни наших предков, изменение религиозных верований и религиозных направлений на современном этапе развития общества. Также в статье было обращено внимание на нарастание незаконных религиозных идеологий, которые активно развиваются и пропагандируют ложные и крайне радикальные взгляды на толкование религиозных традиций.

Ключевые слова: свобода совести и выбора, традиционные верования, религиозные институты, трансформация, религиозный экстремизм, социальные проблемы.

RELIGION UNDER PUBLIC PRESSURE AND RELIGIOUS EXTREMISM

Monakhova Victoria Dmitrievna

Abstract: the article discusses aspects concerning the importance of religion in people's lives, including in the lives of our ancestors, the change of religious beliefs and religious trends at the present stage of society development. The article also drew attention to the growth of illegal religious ideologies that are actively developing and propagating false and extremely radical views on the interpretation of religious traditions.

Key words: freedom of conscience and choice, traditional beliefs, religious institutions, transformation, religious extremism, social problems.

Все чаще и чаще в современном мире можно услышать, как люди говорят о неравенстве, несправедливости, дискриминации, о социальных ущемлениях, правильности или неправильности придерживания той или иной религии.

Каждый из нас свободен, об этом нам декларируется Конституцией Российской Федерации. Каждый из нас имеет право на жизнь. Каждый имеет право высказывать свое мнение и быть услышанным. Каждый имеет право делать то, что он хочет (хотя, само собой, наша свобода носит ограниченный характер), и верить в то, что считает для себя нужным и правильным. Никто в современном мире не имеет право обращать человека «в рабство», навязывать мнения и верования, заставлять поступать тем или иным образом. Религия способствует добровольному соблюдению людьми правовых норм, и, как следствие повышает правовую культуру, сдерживает преступность. Также религия сохраняет общество от пагубного влияния глобализации с ее неолиберальными ценностями [1, с. 54].

Среди основополагающих достижений цивилизационного развития особое место занимает свобода совести. Она может быть определена как право человека самостоятельно определять свое отношение к религии - быть последователем какой-либо религии, либо отвергать религиозную веру (исповедовать любую другую религию или не исповедовать никакой), вести религиозный либо безрелигиозный образ жизни, а также выражать и распространять соответствующие убеждения [2, с. 228-229].

Люди с давних времен стремились объяснить все те события, которые происходят вокруг них и с их непосредственным участием, всегда верили во что-то, будь то святые духи, существование невидимого мира, души умерших, высшее сверхъестественное или Боги, которые, после принесения им чего-то в жертву, могли исполнить почти любое желание. Некий невидимый мир – это нечто идеальное, подлинное, отличное от ущербного бытия. Люди чаще всего стремились верить именно в него, так как каждая религия имеет своей целью поиск благоговения высших чувств человека. Народы все до единого пытались сохранять свои верования, передавать их из поколения в поколение, потому что именно так люди берегли, хранили и возносили свои традиции, делая свой род уникальным и отличным от других, казалось бы, таких же людей. И по сегодняшний день существует большое количество наций, которые берегут и хранят традиции и веру своих предков, потому что это наследие, это история, это уважение к тому, что подарило им жизнь в сегодняшнем дне.

Многие историки до сих пор считают, что религия объединяла общности и призывала различные группы людей к взаимоподдержке. Религия всегда

давала им надежду на спасение души и расцвет ее в «другой» жизни. Исторически религия существовала в разных видах и формах верования. Тем не менее, мы везде или почти везде можем найти идеи долга, свободы и Провидения [3, с. 50].

Трудно не согласиться, что современный мир порой бывает чрезмерно жесток. Многие современные люди не понимают сторонников, оберегающих и защищающих историю. Также они не понимают смысла истории, ее значимости в сегодняшнем дне. Но традиционные мировые религии, в свою очередь, представленные действующими религиозными институтами, закрепленные в духовном опыте народов, являются важным фактором стабильности и устойчивого общественного развития. При бестактном воздействии на традиционные религиозные институты, под влиянием политических или иных взглядов, религиозные институты диффамируются и могут распасться. В данном случае они могут являться потенциальными источниками кризисов и деструктивных общественных конфликтов [4, с. 348].

С развитием технического прогресса и информационных технологий позиция религии относительно общечеловеческих ценностей начали существенно расходиться, произошла некоторая модификация связей между религией и обществом, продолжается процесс трансформации большинства общественных институтов. Кроме того, во многих государствах произошел отказ от традиционных, устоявшихся веками моральных ценностей. В общество стали внедряться ценности, которые ранее могли считаться грешными, осуждаемыми с точки зрения религии, и преступными с точки зрения права [1, с. 55-56]. Поэтому теперь, на данном этапе развития, в России представления о демократии, нравственности, воспитании, идеалах, духовных ценностях, моральных и психологических феноменах носят противоречивый характер. Современный этап развития человечества характеризуется активным нарастанием религиозного экстремизма (от лат. *extremus* — «крайний, чрезмерный») [5, с. 131], в особенности среди молодежи, т.к. это самая психически неустойчивая, нетерпимая социальная группа. Для нее также характерны внутренняя противоречивость и стремление выделяться на фоне других, отчего они становятся наиболее уязвимыми в моментах принуждения и социального внушения, вовлечения в «плохую» среду. К некоторым объективным причинам возникновения и распространения данного явления относят: недостаток социальной активности граждан, конформизм, эгоизм,

психологический и социальный инфантилизм, недостаточная осведомленность граждан об историческом прошлом своего государства, низкий уровень правовой культуры в стране. Отсюда мы понимаем, что общество нуждается в создании и закреплении таких программ, которые будут противостоять возникновению религиозного экстремизма, будут способствовать развитию гражданственности, правовой культуры и социального воспитания населения. В дальнейшем это благоприятно отобразится на формировании толерантности у людей, миролюбии, веротерпимости, также это поспособствует предупреждению религиозных и социальных конфликтов, даст толчок к формированию других «положительных» социальных, культурных и этнических групп среди населения, в особенности среди молодежи [6, с. 137].

Подводя итоги всему вышесказанному, хочется отметить, что современному миру свойственна глобализация, а это значит, что смешение культурного и этического является непосредственной проблематикой современной жизни. Население сталкивается с различными системами ценностей, которые могут оказывать как положительное, так и негативное влияние на самого человека и приводить к росту социальной напряженности. Столкновение социальных интересов, распространение этнокультурной нетерпимости, пропаганда принципов толерантности, борьба за правильности тех или иных взглядов, отрицание и принятие религиозных верований своих и чужих – все это востребованные социальные проблемы, которые требуют к себе особого внимания и влияния со стороны государства. Мы обязаны беречь наше прошлое, настоящее и строить крепкое будущее.

Список литературы

1. Аглеева А.А. Религия и права человека. Взаимоотношение религии и государства// Правовестник. №9 (11). 2018. С. 54-57.
2. Старостенко В.В. Религия и права человека в контексте международных актов о свободе религии и убеждений // Международная научно-практическая конференция "Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания" Могилев. 2018. С. 226-229
3. Религия как «сверхъестественное откровение». Философия религии С.С. Глаголева// Актуальные вопросы истории, философии и права. 2020. С.48-66.

4. Прилуцкий А.М. Международная научная конференция "Традиционные религии за сильную Россию: религия и политика в многополярном мире" // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. №7. 2018. С.347-349.

5. Васильева К.К. Религия как бытовое исповедничество или религия как средство (К вопросу религиозной веры осужденных) // Современные научные исследования и разработки. Т.1. №12 (29). 2018. Ст.131-134.

6. Маслов И.С. Формирование правовой культуры как способ противодействия религиозному экстремизму // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. № 6-2. 2020. С. 135-138.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**НОВАЯ НАУКА В НОВОМ МИРЕ:
ФИЛОСОФСКОЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ,
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ**

Сборник статей

XI Международной научно-практической конференции,
состоявшейся 24 января 2022 г. в г. Петрозаводске.

Под общей редакцией

Ивановской И.И., Посновой М.В.,
кандидата философских наук.

Подписано в печать 25.01.2022

Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 5,58.

МЦНП «Новая наука»

185002, г. Петрозаводск

ул. С. Ковалевской д.16Б помещ. 35

office@sciencen.org

www.sciencen.org

НОВАЯ НАУКА

Международный центр
научного партнерства

NEW SCIENCE

International Center
for Scientific Partnership

МЦНП «НОВАЯ НАУКА» - член Международной ассоциации издателей научной литературы
«Publishers International Linking Association»

ПРИГЛАШАЕМ К ПУБЛИКАЦИИ

1. **в сборниках статей Международных
и Всероссийских научно-практических конференций**

<https://www.sciencen.org/konferencii/grafik-konferencij/>

2. **в сборниках статей Международных
и Всероссийских научно-исследовательских,
профессионально-исследовательских конкурсов**

[https://www.sciencen.org/novaja-nauka-konkursy/
grafik-konkursov/](https://www.sciencen.org/novaja-nauka-konkursy/grafik-konkursov/)

3. **в составе коллективных монографий**

[https://www.sciencen.org/novaja-nauka-monografii/
grafik-monografij/](https://www.sciencen.org/novaja-nauka-monografii/grafik-monografij/)

4. **авторских изданий**

(учебных пособий, учебников, методических рекомендаций,
сборников статей, словарей, справочников, брошюр и т.п.)

<https://www.sciencen.org/avtorskie-izdanija/apply/>

<https://sciencen.org/>